

Людмила Астахова, Яна Горшкова

БОГ ИЗ МАШИНЫ

Помни о жизни

Людмила Астахова

Бог из машины

«ЭКСМО»

2011

Астахова Л. В.

Бог из машины / Л. В. Астахова — «Эксмо», 2011 — (Помни о жизни)

ISBN 978-5-699-50374-2

Корни дерева Проклятия уходят глубоко в тьму веков. Их питает страх и ненависть поколений, и кажется, что не будет конца этой кровавой цепи. Но у свободы и спасения есть цена. Иногда платой становится жизнь и посмертие князя, иногда – целого народа. Кто-то обменяет любовь на корону, а кто-то – без страха шагнет в огонь. Проклятие обернется благословением, а вера – безумием. Но все имеет свою цену, и этот путь придется пройти до конца. И заплатить сполна.

ISBN 978-5-699-50374-2

© Астахова Л. В., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Аластар Дагманд Эск	13
Эвейн эрн Рэймси,	17
Мирари	20
Грэйи и Удаз	30
Джэйфф Элир	48
Джона и Эгнайр	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Людмила Астахова, Яна Горшкова

Бог из машины

«Шантийский курьер», ежемесячное приложение к «Голосу
Эйнсли»

№ 11, ноябрь 306 года от ВР

Отважные землеописатели

Как доносят «Курьеру» из Доминиона Шанта, прибывшая в минувшем месяце на остров Тэлэйт со специальным поручением эрна К., офицер Собственной Е.С.О. Канцелярии, не мешкая приступила к выполнению доверенной ей Священным Князем задачи. В сопровождении местного уроженца, известного как наилучший проводник по горным долинам этого прекрасного, но дикого острова, отважная землеописательница выступила в путь из форта Сигрейн. Всем необходимым в этом опасном, но увлекательном путешествии экспедицию снабдили как генерал-губернатор эрн-Тэлдрин, так и местные обыватели, с восторгом оказывающие землеописательской миссии всяческую помощь. Имя бесстрашной эрны не разглашается, однако читатели «Курьера», без сомнения, могут предположить, кто именно удостоен великой чести заново открыть для нас остров Тэлэйт в его суровой красоте и укрепить дружественные связи между нашими гарнизонами и местными обывателями.

Помимо задач научных и познавательных, миссия экспедиции носит также и военный характер. Княжеское Географическое Общество с нетерпением ожидает первых докладов неустрашимых землеописателей. Без сомнения, сия экспедиция раскроет для нас многие тайны этого чудесного места. «Курьер» намеревается тщательнейшим образом следить за судьбою экспедиции и ее членов.

Лечебница в Шиле

Из канцелярии генерал-губернатора Доминиона Шанта, его высокопревосходительства эрна Тэлдрина доносят: завершено строительство в городе Шила, что вырос из раскинувшегося у подножия форта Сигрейн селения, новой лечебницы. На службу милосердию призваны как наши доблестные офицеры-лекари, так и множество местных обывателей. Руководить сим угодным богиням заведением поручено некоей госпоже Шайе, известной всему острову как непревзойденная целительница и травознатчица. Содержание лечебницы и жалованье служащим будут производиться из казны по установленным правилам.

«Голос Эйнсли», № 18 от 20 мая 307 года

Внешние известия

Левенез. Чрезвычайные и устрашающие вести приходят к нам с материка. В северном имперском графстве Лираенф произошли события,

чья чудовищная жестокость вынудила наши доблестные войска вмешаться и положить конец творимым зверствам. В конце минувшего месяца кроважидная банда неуставленных лиц, одетых в форму имперских войск, возглавляемая злодеями в облачении жрецов-эсмондов, захватила мирный город Левенез, столицу графства Лираенф. Сам граф Лираенф, его леди-супруга, их старший сын и наследник с супругой, а также преданные их слуги и вассалы были без суда немедля казнены позорнейшей из казней. Кровавый ужас воцарился в этом цветущем городе. Обыватели попрятались по домам, и только шаги патрулей на обезлюдивших улицах да звуки выстрелов и плач несчастных, схваченных озверевшими убийцами, возвещали о том, что подобное зверство происходит наяву. Тела несчастного графа, его жены, родичей и домочадцев были оставлены без погребения на главной площади Левенеца. Кровь застывала в жилах, любезные наши соотечественники, когда читали мы строки этих сообщений! Воистину, нет предела кроважидным злодеяниям именующих себя эсмондами!

Однако богини простерли милосердные руки свои над терзаемым злодеями Левенезом. К великому счастью, младший сын и дочери графа сумели ускользнуть от убийц. Бесприютные и осиротевшие, эти несчастные дети скитались вдоль побережья, когда могучая Мать наша, Морайг, вняла их мольбам и послала к берегам Лираенфа эскадру нашего славного адмирала эрна Сэйлита. Находившийся на борту флагманского корабля его высокопревосходительство генерал-фельдмаршал Эвейн эрн-Рэймси лично расспросил и утешил несчастных. Вняв их мольбам о помощи и мести, его высокопревосходительство приказал войскам выступать. Высадившись на берег с двумя ротами пехотинцев, генерал эрн-Рэймси в стремительном марше занял город, выбив из него злодеев и убийц, и утвердил законную власть наследника умерщвленного графа Лираенфа, молодого графа Тэльма. Неоценимую помощь в торжестве справедливости и правосудия оказали нашим силам и обыватели Левенеца, а также по счастливой случайности проходивший мимо князь Аластар Дагманд, граф Эск. Собственной персоной командуя фрегатом «Меллинтан» (обыватели Эйнсли, без сомнения, помнят недавний визит в нашу столицу этого прекрасного корабля), граф Эск не позволил ускользнуть ни единому вражескому суденышку из гавани Левенеца. Таковым образом, восстановив закон и порядок в осиротевшем графстве Лираенф, наши силы по приглашению графа Эска присоединились к нему и проследовали далее в Амалер.

«Часовой Индары», № 20 от 16 мая 307 года

Ролфийский произвол

Левенез. Противоречивые и утравшающие известия получаем мы из Синтафа, и каждый новый день приносит нам новые ужасы. Поправ все договоры и обычаи, существующие между государствами, кроважидная свора бешеных ролфи без объявления войны высадилась на берега графства Лираенф и захватила его столицу, город Левенез. «Возможно ли помыслить о такой наглости и зверстве в наш просвещенный век? – воскликнет в ужасе добрый индарец. – Век, когда законность и миролюбие смирили, казалось бы, и самые дикие сердца? Когда человеческий разум проникает в тайны природы,

доселе запретные и неведомые, а справедливость и добрососедские отношения – залог стабильности и процветания?»

«Увы! – ответим мы. – Несмотря на все наши надежды, просвещению и законности не дано, к несчастью, обуздать бешеную натуру вероломных псов из своры Волка Архипелага!» Да-да, миролюбивый и добрый обыватель Индары, и наш век способен породить ужасающие злодеяния. По улицам Левенеца текут реки крови, граф Лираенф и вся его семья вырезаны и брошены посреди главной площади! Предводитель ролфийской банды не погнушался даже расстрелять картечью несчастных, пытавшихся спастись бегством. Не остановило бешеного ролфи ни слово Предвечного, ни то, что беженцев возглавляли местные служители-эсмонды. Что до младших детей несчастного графа Лираенфа, то судьба их пока не известна, но наверняка ужасна. Завершив свой кровавый набег, волчья стая, пресыщенная кровью и грабежом, погрузилась на корабли и отплыла. Куда же они направились? Уж не к берегам ли Эббо? И почему молчит эрн Бидэйв, ролфийский посол, когда объединенные ужасом и скорбью индарцы громко требуют у него ответа, собравшись под стенами ролфийского посольства? И доколе его высокопревосходительство Фальорк, наш президент, будет терпеть беззакония и злодеяния, творимые его так называемыми союзниками из Ролэнси?

«Часовой Индары», № 21 от 18 мая 307 года

Благотворительный вечер

Третьего дня в хорошо известном среди высших слоев столичного общества загородном клубе «Черный Лебедь» состоялся благотворительный вечер в поддержку шурианского движения «Эджарта». Напомним нашим читателям, что сие движение суть еще одна отчаянная попытка этого маленького, но гордого народа вернуть себе злосчастную свою родину, остров Шанта, стонущий под тяжелой пятой ролфийских завоевателей. Добрые индарцы, несомненно, помнят леденящие душу рассказы об ужасах ролфийской оккупации, кои передавали нам те немногие счастливыцы, кому удалось бежать с острова после его захвата войсками Ролэнси. Заметим, что очень многие из достойнейших представителей нашего общества откликнулись на этот зов о помощи. По словам устроителей вечера, было собрано не менее двух тысяч оули золотом в качестве пожертвований. Ныне устроители озабочены поисками способа, каковым можно было бы передать эти деньги господину Тиглату, лидеру и вдохновителю освободительной борьбы этого свободолюбивого народа. Все пожертвования будут истрачены на помощь шантыйским беженцам, вдовам и сиротам, а также пущены в уплату издания брошюр и прокламаций. <...>

На кого точит зубы Ролфийская Волчица?

Как, несомненно, уже известно нашим согражданам, вот уже третью неделю в Индаре обретается некая скандально известная особа, имеющая непосредственное отношение к Собственной Канцелярии, этой зловещей ролфийской тайной службе. Читатель догадывается, о ком мы говорим. Эта Ролфийская Волчица, попирая все законы женского естества, хорошо известна

в Империи и здесь, в Конфедерации. Шпионаж, жестокие убийства, грабежи и поджоги, а также похищения людей – вот только малая толика из перечня ее преступлений. Именно за эти, с позволения сказать, заслуги ужасающий лорд Конри и наградил ее лейтенантским чином и направлением сюда, в Индару, с якобы дипломатической миссией. Не смешно ли это, сограждане? Убийца, поджигательница и похитительница, заочно приговоренная к смерти в Империи Синтаф и в Идбере, в открытую разъезжает по улицам Индары, наслаждаясь всеми привилегиями дипломатической неприкосновенности! Ей даже хватило наглости явиться на благотворительный прием и глумливо пожертвовать деньги в пользу движения шурианских патриотов! Но и это еще не все. Поверите ли, ролфийский цинизм и бесстыдство столь велики, что указанная особа живет в противоестественной связи с собственным племянником, известным в городе кутилой, игроком и растратчиком, не раз сидевшим в долговой тюрьме! Но мы могли бы закрыть глаза на это вопиющее бесстыдство и издевательство над всеми нормами морали и права, если бы не единственный вопрос, тревожащий нас все сильнее. В свете откровенного начала ролфийской агрессии против мирного Синтафа и нашего доброго соседа – Идбера мы вопрошаем – на кого точит зубы Ролфийская Волчица? Кто из нас, сограждане, станет ее следующей жертвой? И доколе, спрашиваем мы, доколе власти будут позволять этому чудовищу, этому извергу, этой кровавой насмешке над женским полом безнаказанно разгуливать по Индаре? Разумеется, мы не вправе требовать ее выдачи Идберу для справедливого наказания. Но настаивать на ее высылке мы обязаны! И мы вслед за всеми добрыми согражданами категорически требуем – пусть эта женщина убирается обратно в свое волчье логово! Не допустим нового преступления! Не станем молчать! Прочь, Ролфийская Волчица! Убирайся прочь!

Синтаф

«Зеркало Саннивы», № 26 от 2 июня 307 года

Беспорядки в Эббо

Индара (от нашего корреспондента в Конфедерации)

Небывалое в летописи народных волнений произошло в начале этой недели – выступление индарских обывателей против чиновных злоупотреблений, коими славятся государства Конфедерации. Катастрофа по грандиозности обстоятельств и месту действия, безусловно, напоминает нечто феерическое, но с непредсказуемым в политическом смысле финалом. Пока еще судебные и полицейские власти не могут доподлинно разобраться в происшедшем; но по рассказам очевидцев и невольных участников этой драмы она рисуется в следующем виде.

Учиненный неизвестными злодеями пожар в небезызвестном индарцам доме терпимости «Морской конек», расположенном на 15-й улице, кроме переполоха среди обитательниц заведения и неудобства для добропорядочных сограждан привел к непредвиденным последствиям. Жестокосердие чиновников, прибывших на место происшествя, и чинимый ими произвол оказались роковыми для властей Эббо, ибо пробудил в сердцах

падших женщин стремление к справедливости. Воззав к милосердию и сочувствию, несчастные погорелицы встретили сплошное равнодушие, не оставившее в безразличии свидетелей трагедии.

Загремело в воздухе «Долой! Долой!» из множества глоток, и толпа разгневанных индарцев, невзирая на поздний час, двинулась к президентскому дворцу, собирая попутно тысячи недовольных. Вполне мирное шествие, возглавляемое обиженными погорелицами, беспрепятственно добралось до нужного места, не встретив никакого сопротивления со стороны полицейской стражи.

К митингующим вышел его превосходительство президент Фальорк и попытался утихомирить обывателей словом, но гнев народный оказался превыше гласа рассудка. Когда разбушевавшаяся чернь стала выкрикивать оскорбительные лозунги, его превосходительство поспешил скрыться под защиту стен дворца и ружей охраны. Толпа же, в свою очередь, подстрекаемая неизвестными лицами, бросилась на штурм.

Звон разбиваемых стекол, треск рам и дверей, дикий рев громил слились с криками ужаса более миролюбивых обывателей и воплями женщин, образуя чудовищную какофонию, отдаленные раскаты которой разносились по всей пробужденной Индаре. Полиция очень орала на громил. Охранники с ружьями сначала строго призывали рассвирепевших хулиганов к порядку, а потом, когда чернь с остервенением продолжила свое опустошительное дело, открыли огонь. <...>

Идбер

«Новости Вэймса»

Убийство президента Эббо и народная революция

Ужасные вести получены из Индары. 25 мая ночью верхушка Партии Революционеров, воспользовавшись беспорядками в столице, захватила президентский дворец и потребовала от президента, чтобы он подал в отставку в пользу парламента. После отказа президента Фальорка, застрелившего из личного пистолета Председателя Партии господина Мэлго, предлагавшего подписать прошение об отставке, революционеры зверски умертвили президента, его супругу, ее кузена и двух ее родных сестер. <...>

Отношение держав

Сегодня стало известно, что идберранское правительство заявило о своем полном невмешательстве в индарские события, считая смену власти внутренним делом независимой Республики Эббо. Стало также известно, что точка зрения фиртсвитского правительства тождественна с идберранской. <...>

Синтаф

«Зеркало Саннивы»

Заграничная жизнь

История убийства президента Фальорка и всего его семейства во время беспорядков в Индаре представителями некоей революционной партии оказывается с начала до конца сочиненной репортерами. Президент с супругой живы и пребывают в полном здравии, Партии Революционеров не существует в действительности. Что же касается смены руководства в Эббо, то произошла она относительно мирно и без особого кровопролития, хотя сопровождалась хулиганскими выходками черни. Ныне же жизнь в Индаре и пригородах вернулась в прежнее русло.

**«Зеркало Саннивы»
Специальный номер
№ 32 от 20 июня 307 года**

Мятеж Эска

<...> Известие о провозглашении восемью северными провинциями Империи Синтаф независимости вызвало в Санниве безграничное негодование. Но сильнее, чем осознание того, что исконные имперские земли и их владельцы нарушили присягу и предали своего императора, повергло народ в отчаяние отречение мятежников от Веры, от милости и покровительства Предвечного. Отмена императорских гарантий и учреждение диктатуры Эска, вызванные лишь стремлением мятежников к установлению самовластия и уничтожению гражданских свобод, повелительно налагают на носителя верховной власти – Его Императорского Величества Атэлмара Восьмого обязанность принять крайние меры для спасения порядка, распадавшегося под ударами бесплодной борьбы сепаратистов. Таково мнение и желание народа синтафского. <...>

Эббо
«Биржевые новости»

Размышления о политическом моменте

Учреждение эскизарской диктатуры вызвало смятение во всех политических слоях Империи. Атэлмар Восьмой и Эсмонд-Круг пребывают в гневе, грозя мятежникам всеми возможными карами, одно только перечисление коих заставляет вспомнить о временах Великого Раздора. Не мудрено, что синтафский император видит в Аластаре Эске нового Вилдайра Эмриса и считает мятеж очередной попыткой ролфи вернуть времена своего господства. Слои, заинтересованные в сохранении Веры в Предвечного, обеспечивавшей им власть и влияние, справедливо убоялись утраты их при новом порядке. Диктатура, установленная с благими целями обновления разлагавшегося государственного строя, встретила яростное противодействие со стороны Империи. <...>

«Голос Эйнсли»,

№ 28 от 21 июня 307 года от ВР

Е.С.О. Вилдайром Эмрисом отправлено в Амалер следующее послание:
«Его высочеству Аластару Эску. Из самой глубины Своего сердца выражаю вашему высочеству Свои поздравления и благие пожелания в грядущем деле построения независимого княжества Файрист. Примите уверения в искреннем участии, которые Я принимаю в трудах ваших, ваших соратников и вашей страны, а также подтверждаю и заверяю в союзническом характере отношений между нашими государствами».

Идбер

**Записка от Шимуса Киу троюродному брату и компаньону
в предприятии «Текстиль и конопляные веревки Киу»
Моригаю Пэйро**

«Дорогой братец, в кои-то веки прояви сноровку, которая присуща тебе в отношении баб, оторви зад от кресла и срочно запускай производство в новом цеху вейсской фабрики. Чтоб через неделю выкрашена была вся имеющаяся на складах партия сукна. Говорю тебе, заварушка будет похлеще самого Великого Раздора. Наживемся, братец!»

Фиртсвит

«Верное слово»

Раздел: За границей

Файрист. Спуск корвета. В Амалере на днях спущен корвет «Серебряный Коготь», представляющий собой прекрасный образчик мастерства эскизарских корабельщиков, оснащенный к тому же по последнему слову техники. Интерес, однако, в другом. Это первый корабль, спущенный без благословения святого тива. Князь Эск верен себе и отменил обычай, существовавший много веков.

Эббо. Празднование вступления в должность нового президента Рэйера Хана прошло без инцидентов. На приеме у Его высокопревосходительства наш полномочный посол произнес речь, в которой сказал: «Мы отвергаем злоумышленников, порицаем их поступки и верим в мудрость вашего руководства».

Ролэнси и Идбер. Синтафские газеты старательно запугивают Идбер войной с Архипелагом. «Зеркало Саннивы» говорит, что Ролэнси уже сделала свои представления Идберу относительно захвата ее территории. Газета «Утро Империи» утверждает, что очень многие влиятельные лица, между ними князь Эск, президент Хан, обе палаты нашего парламента, бывший министр иностранных дел и другие стоят за наступательную политику Архипелага и считают войну с Идбером необходимой.

Идбер <...> Корреспондент «Верного слова» в Вэймсе интервьюировал министра иностранных дел Кариго, который заявил, что в настоящую минуту Идбер намерен мобилизовать все свои силы, наносить быстрые и сильные удары, чтобы отразить грядущую ролфийскую агрессию. <...>

Леди Солимэла Кашш
Письмо к Лайд Эск
Амалер, 23 июня 307 года

Любезнейшая княгиня! Пишу к вам, с госпожой Эррил, оказией, и тем самым честно могу рассказать, сколь сильно мы обрадовались, что бурные события последних месяцев не коснулись до вас никоим образом. Только, ради Предвечного и нашей вечной дружбы, не проговоритесь в беседах с общими столичными знакомыми о новостях, коих собираюсь вам поведать. Поверьте мне на слово, любезнейшая княгиня, ваша чарующая откровенность может сослужить дурную службу и расстроить отношения с покровителями из Эсмонд-Круга.

Вчера, 22 июня, в час пополудни состоялось бракосочетание вашей старшей дочери Мирари с ролфийским генерал-фельдмаршалом эрн-Рэймси. Неожданное и скоропалительное решение вашего супруга относительно этого брака повергло общество в испуг и трепет.

Даже самые главные соратники князя Эска, как слышно, не дерзают оправдывать его жестокость. Говорят, что в письме к супруге своей лорд Рэй во всем винит Аластарову безумную гордость, обрекшую девицу Мирари на брак с ролфийским варваром. Как же тут не вспомнить ваши сетования на жестокосердие и отсутствие совести у мужа? Не хочу даже лишний раз поминать о смертоубийствах, грабежах, злодействах гнусных, чинимых ролфи во все века, сберегая ваш пошатнувшийся душевный покой. Судьба же бедняжки Мирари теперь лишь в руках Предвечного, нам остается лишь молиться о ее здравии, ибо сесейные нравы варваров известны всяческими ужасами вроде многоженства и определения неудобных жен в солдаты.

От всех этих переживаний прелесть жизни для меня совсем исчезла, но могу вообразить себе расстройство любящей матери, то бишь ваше, при получении известия о сочетании дочери. Об одном молю: не радуйте врагов безвиннейшею нескромностью речей! У вас есть что беречь. Ответа не требую. Уведомьте только о своем здоровье. Целую и нежно обнимаю. Ваша Солимэла.

Аластар Дагманд Эск

Отзвучали свадебные песнопения, отгуляли добрые амалерцы на балах и празднествах в честь сочетания княжны Мирари с ролфийским генералом, а ветер развеял разноцветные бумажки шутейных фейерверков. Весело было, пьяно и сытно. И столько всего и сразу, что никаким газетным борзописцам никаких слов не хватит. Тут тебе и отделение от Синтафа, и Знак Меллентан, и ролфи. Да, они самые – настоящие островные ролфи. Полный Амалер миролюбивых любопытных «зубастиков» – мужчин, военных, рослых, здоровенных и красивых, как на подбор. Ух! Ах! Город, и без того шумный и беспокойный, словно восстал от вековой спячки, когда с кораблей на эскизарскую землю ступили подданные Священного Князя. Дамы всех сословий пришли в ажитацию, извлекли драгоценности, уже было припрятанные по тайникам и банковским сейфам до лучших времен. Должны же эти островные варвары узнать, что такое настоящий имперский шик, верно? Жаль только, быстро закончились праздники, выдвинулись на позицию ролфийские полки, и уплыла воевать зарвавшихся конфедератов эскадра эрн-Сэйлита. Ах, какой мужчина! Какой? Высокий, зеленоглазый, хо-ло-стой!!! Вослед ролфийским парусам наверняка пролился девятый вал одиноких девичьих слезинок.

– А твое сердце не увез с собой какой-нибудь бравый ролфи? – молвил с легкой улыбкой князь.

Завтракал наедине с младшей дочерью в крошечной, но солнечной комнате, похожей на золотую клетку для маленькой птички крапивника. Уютное гнездышко для юной девы, если угодно. Ожегшись о Мирари, Аластар решил хоть как-то подружиться с Синой. И даже старался шутить.

– Нет, папенька. Мое сердце целиком принадлежит системам уравнений, – парировала Сина, смакуя пирожное и удачно изображая беззаботность. – Дифференциальным.

Застарелый страх девушки перед отцом никуда не делся, но его усилия хотелось поощрить. Может быть, пройдет время, и она привыкнет к его робкому любопытству.

Аластар покачал головой.

– Во всяком случае, системы уравнений никогда его тебе не разобьют.

– Я знаю, папенька. Вы хотели со мной о чем-то поговорить?

Сина не собиралась ходить вокруг да около. Затянувшийся разговор – это гарантия того, что папенька осерчает.

– Теперь, когда место хозяйки моего дома снова вакантно, а статус мой изменился, то не согласишься ли ты заняться некой системой уравнений, в которой над множеством слуг и придворных надо будет производить операции?

– О! А я и не знала, что вы так хорошо знакомы с наукой, изучающей упорядоченные пары множеств.

– Я полон загадок, дочь моя, – невесело усмехнулся Эск. – Как вам мое предложение? Справитесь?

– Да, я постараюсь оправдать ваше доверие, отец, – отчеканила Сина и решила сразу перейти к делу: – Как вы относитесь к тому, чтобы обустроить официальную резиденцию в нашем особняке на Восточной улице?

– Я сам подумывал насчет резиденции. Кэйнигэск¹ не выдержит такого количества народа.

Замок выдывал осады и сражения, но всегда оставался именно «гнездом» для семьи. Негоже превращать его в проходной двор. Тем паче теперь, когда Эски вознеслись на вершину власти.

¹ Кэйнигэск – Гнездо Эсков (диллайн.).

– Значит, я не ошибся. Спасибо, Сина.

Аластар чувствовал себя очень неловко, а потому торопился сбежать из девичьего будуара. Он осторожно поцеловал дочь в лоб в ответ на ее почтительный реверанс и с удивлением отметил, что от девочки приятно пахнет ромашкой и волосы у нее точь-в-точь такого же оттенка, как у него самого.

Поздновато учиться любить взрослую дочь, но попробовать-то можно, верно?

Новообразованное княжество требовало внимания ежеминутно, а князь, естественно, был потребен всем и сразу, одновременно в десяти местах. Времена, когда вождь лично занимался и войной, и законотворчеством, и порядком, к счастью, давно миновали, иначе порвали бы Эска его добрые подданные на два десятка маленьких аластарчиков.

С одной стороны, соратники помогали чем могли – словом и делом, а с другой – отчаянно требовалось единоначалие.

Пусть хотя бы обустройство фэйристского княжеского двора будет находиться в одних руках, в цепких лапках Сины Эск. Такая уж любовь у диллайн: любишь – значит, всецело доверяешь. Во всем.

Установилось теплое безветрие, редкое явление в это время года. Эскизар и ветер – почти синонимы. Вроде бы и не жарко, но дышать все равно было нечем, невзирая на распахнутые окна.

– Ты решил бороду отпустить для солидности? – усмехнулся лорд Рэй. – Ужели никак не выкроишь получаса для брадобрея?

– Дела государственные, сам понимаешь, – в том же насмешливом тоне отвечивал Эск и закрыл книгу, в которой делал пометки.

Она называлась «Хроники войн от начала истории до нынешних времен в подробном изложении», отличалась изрядными размерами, и ни один человек не стал бы читать ее дважды, не рискуя умереть со скуки. Но вот уже пять веков считалось, что без изучения этих премудростей не может обойтись ни один уважающий себя правитель. И не без оснований. Но до чего же заунывно описывали причины и следствия войн хроникеры и аналитики...

Алфлаед с ужасом покосился на фолиант.

– Говорят, некоторые отказывались от трона и венца, лишь бы не браться за «Хроники».

– Отец усадил меня читать их в десятилетнем возрасте, – проворчал Аластар. – И только лет эдак семьдесят назад я наконец ощутил их прелесть.

Его собеседник притворно заслонился руками.

– Прелесть? Ты сказал – прелесть? Твое извращение не слишком заразно? Или все же пристрелить тебя из сострадания, Эск?

Разговор в подобном тоне происходил лишь потому, что Аластара и Алфлаеда связывало очень давнее знакомство, взаимная симпатия и, можно даже сказать, дружба, что для чистокровных диллайн большая редкость.

– У меня к тебе серьезный разговор, князь, – сказал Рэй.

Дружба между диллайн предполагала также отказ от церемоний и намеков.

– И у Милберга Локка тоже? – напрямик спросил Аластар.

Дружба диллайн требует еще и предельной честности. Если знаешь, о чем пойдет речь, то стыдно прикидываться неведающим, не по-дружески это. Таковы правила, если, конечно, хочется именовать сына Меллинтан – близким другом.

– Да. Он ждет в саду. Прогуляемся?

– Изволь.

Два самых сильных и равных по возможностям владетельных лорда явились обговорить условия своей лояльности. Так принято. У диллайн. Да – клятвы принесены, да – договор подписан, но всегда есть детали, которые смущают умы. И к такому тонкому делу, как политика,

нежелательно примешивать личное неудовольствие, копить обиду или непонимание. Потом только хуже будет.

Милберг выбрал для беседы по душам цветник, и неспроста. Среди пестрых виол, стойких бархатцев и нежных пионов – питомцев Мирари – речь могла пойти только о женщине. Но владетель Локэрни зашел издалека. Поприветствовав князя Файриста кратко и по-деловому, он спросил:

– Что вы думаете относительно наследника, Аластар?

– А что, уже пора? – вопросом на вопрос ответил Эск.

Конечно, он думал, и не единожды, и даже кое-что надумал.

– Пора, – невозмутимо заявил Локк. – Обзаводиться законным наследником, который будет в глазах народа олицетворять преемственность вашей власти, ее постоянство, если угодно. Если вы не хотите, чтобы ваши подданные решили, будто в Файристе продолжится синтафская традиция «карманных императоров», то должны доказать народу свою решимость...

– Я все знаю! – отрезал Аластар.

«Карманный император? Держи... карман шире, Локк!»

Селвин Элвва уже предлагал помощь в возвращении Лайд. Или, на худой конец, обещал ее тихо и безболезненно устранить, если нет никакой возможности с ней жить как с женой или официально развестись. Лорд Дэссими совсем недавно намекнул на тот факт, что у него на выданье дочка – воспитанная, образованная и невинная девушка, умеющая слушать и молчать.

– Ну и прекрасно. Так поделитесь планами.

Локка трудно сбить с мысли или смутить резким ответом, он будет гнуть свою линию до конца.

Эск дернул подбородком.

– У меня уже есть наследник мужского пола. Мой сын.

– Есть все неопровержимые доказательства родства?

– Мы очень похожи. И не только внешне. Сомнений возникнуть не может.

– Замечательно. Так вот мы с лордом Рэем хотели бы поговорить с вами о его матери.

Эск аккуратно оторвал пожелтевший листок на кусте пиона. Чтобы тот не портил гармонию.

– Я слушаю.

– Мы примем вашим наследником Идгарда Янамари при одном-единственном условии – его мать не должна стать ни княгиней, ни официальной фавориткой, а еще лучше, если леди Джойана не будет мозолить глаза обитателей Амалера и всего Файриста.

Видя, как гипсовой маской застыло лицо Эска, Алфлаед Рэй поспешил добавить:

– Поверьте, Аластар, все мы люди образованные и прогрессивные и ничего против леди Джойаны как таковой не имеем. Она – исключительная женщина, и в качестве леди Эск я бы ее принял всем сердцем. Но не как княгиню.

– Не считите за дерзость, но никто пока не готов видеть шуриа на престоле диллайнского государства. Это невозможно. Вообще.

Устами Локка говорили сейчас все остальные члены Совета, а также подавляющее большинство обитателей Синтафа. Никто слишком не удивился женитьбе Бранда Никэйна на Джойане Янамари, его решение одобрили, многие сами не отказались бы от супруги-шуриа, особенно если за ней приданы будут титул, земли и деньги. Но княгиней...

«Не для того наши предки веками лили кровь, чтобы теперь возвращать власть змеиному народу», – скажут простые... э... фэйристяне. И будут правы. Никто не забыл, кому изначально принадлежала эта земля.

– Вы же как-то умудрились столько лет скрывать связь с этой женщиной...

Четыре года назад владетелю Локэрни пришлось объяснять истинную причину отчаянных поисков леди Янамари в его уделе. «Мать моего сына» – это для диллайн аргумент реша-

ющий. Так же, как и принадлежность возможной княгини к народу Сизой Луны – препятствие непреодолимое.

– А теперь вы называете новенький фрегат именем «Лаунэйд».

Алфлаед, казалось, был обижен на друга и соратника.

– Шуриа в княжьем венце будет раздражать практически всех, и рано или поздно найдутся желающие «освободить» князя от «змеиных чар». Тень падет и на вашего сына.

Эск раздраженно хмыкнул. Ну еще бы! Буквально только что в пресловутых «Хрониках» читал что-то подобное. Правда, было это больше тысячи лет назад и в далеких от Синтафа и его окрестностей землях, но история о женщине недостойного рода, волею венценосного любовника ставшей царицей, ее злосчастной судьбе и горькой участи детей запомнилась надолго и приводилась в пример как недальновидный поступок правителя.

Так частенько бывает, и не только с диллайн, когда жизнь сама подсовывает человеку намеки и предупреждения. Дескать, не глупи, не лезь на рожон, притаись. А смертный так и норовит против судьбы идти, переломить свою долю. Если, разумеется, можно счесть упрямством желание Аластара наречь заложенный на верфи фрегат – «Лаунэйд». А ведь этот поступок тоже кое у кого вызвал недоумение, мягко говоря. Корабельный мастер так и сказал: «Не к добру диллайн призывать милостей Сизой Луны».

Теперь вот Рэй и Локк потребовали ответа. Все одно к одному.

– Идгард Янамари – мой законный и несомненный наследник. И княгиней Файриста станет уже его супруга.

Одержимость – это тоже своего рода проклятье, ничуть не менее страшное, чем Внезапная Смерть, терпеливо подстерегающая шуриа каждое утро. Разница в том, что Проклятье Сигрейн убивает, а с одержимостью надо жить и каждый день бороться с желанием бросить все дела и устремиться к вожаемой цели, перешагивая через близких, наступая на любимых.

Жить в полную силу и из последних сил, жить так, словно впереди Вечность, но каждый день, как последний, жить, как... Джона. Это она – Недостижимая мечта для диллайн. Несбыточное, невозможное для детей Меллинтан наслаждение каждым вздохом, каждым глотком воды, каждым куском хлеба, каждым прикосновением... Да! Он завидовал своей возлюбленной, иступленно, восторженно, как, должно быть, завидует от рождения слепой зрячему или безногий калека – здоровяку. Она могла бежать по ниточке над пропастью, чтобы в двух шагах от цели передумать, развернуться и устремиться обратно, нисколько не пожалев о затраченных усилиях. Иметь выбор – это и есть свобода для диллайн. Хотя бы призрачную возможность изменить цель.

Он, едва распрощавшись с Локком и Рэем, поехал на верфь. К «Лаунэйд». К родной сестре «Меллинтан».

Предатель из народа предателей! Не имеющий права даже прокричать слова ненависти и проклятья несправедливой судьбе, превратившей его в чудовище. Впрочем, как известно, чудовищами люди становятся по доброй воле, по своему выбору. И если другого может не быть, то этот у них есть всегда. Разве не тысячи тысяч мужчин во все времена между женщиной и короной выбирали корону, а между миром и войной – войну? Разве не так, Лаунэйд?

Ветер с моря был солон и не по-летнему резок. Слово пощечина гнусному предателю. Наотмашь, без пощады.

«И значит... все теперь определилось. Корона и война? Пусть так! – подумалось князю Файриста Эску. – Но тогда уж до самого конца, до предела и за предел. Как диллайн и как вождь своего народа... Народа проклятых Одержимых. Вот только... простишь ли ты меня, Джойана? Поймешь ли? Потому что я бы сам себя не понял и не простил».

Эвейн эрн Рэймси, главнокомандующий Экспедиционным корпусом

«Любопытно, я хоть когда-нибудь теперь смогу, глядя на город – любой город! – оценивать его с точки зрения красоты архитектуры или живописности окружающего его ландшафта, а не с позиции... диспозиции?» – с легкой грустью подумал эрн Рэймси, окидывая хищным взглядом приграничный городок Аррос.

– Диспозиции для штурма, ваше высокопревосходительство, или для обороны?

– Кэйбри... – вздохнул генерал и прикрыл глаза ладонью. Послеполуденное солнце, отражаясь в сонных зеленоватых водах медлительной реки Ирати, чинно журчащей в заросших тростником низких берегах, жгло генеральский взор, будто каленым железом. После почти суток без сна, проведенных в седле, это было, впрочем, неудивительно.

– Да вы опять разговариваете сами с собой, милорд, – безжалостно пожурил его адъютант. – И если вы немедленно не отправитесь в постель, я на вас эрна Бренги натравлю.

– Кэйбри, твоя наглость переходит все мыслимые границы, – фыркнул эрн Рэймси. – Чем ты должен сейчас заниматься, а?

– Встретить экипаж леди Рэймси и сопроводить ее на квартиру, а также всячески заботиться о ее благополучии, – отчеканил юноша. – Ну, так я уже и встретил, и сопроводил, и уверяю, в отличие от вас, эрна Мирэйр вполне благополучно устроена. Равно как и обе ее девушки. А вот вы, похоже, надумали вздремнуть прямо здесь, на бережку. То-то зрелище будет для идберранцев! Вон, глядите-ка, на той стороне!

– О, разъезд! – эрн Рэймси с трудом, но все-таки оторвал ноющий зад от бревна, на котором сидел, и поприветствовал выехавших на идберранский берег Ирати драгун вежливым полупоклоном и взмахом руки с фуражкой. Драгуны несколько минут созерцали ролфийского генерала, недвижимые и мрачные, будто статуи, символизирующие Угрозу и Подозрительность, затем развернули коней и усаkali.

– Вашу вежливость, милорд, похоже, неверно оценили, – заметил Кэйбри.

– Отнюдь нет, мой юный друг, – ухмыльнулся генерал. – Наши будущие противники весьма проницательны и все поняли верно. Так. Хватит приплясывать вокруг меня, будто я помирать собрался! Отправляйся к леди Мирэйр и не вздумай отлучаться от нее дольше, чем на четверть часа! Бедняжка, верно, за всю свою жизнь не выезжала из Эскова Гнезда так далеко и, разумеется, растеряна и напугана. Хотя диллайн никогда не покажут врагу свою слабость. Поэтому...

– Врагу, милорд? – искренне изумился адъютант. – Но разве мы теперь не союзники?

– Я скажу так, Кэйбри, – серьезно и с некоторой грустью ответил Рэймси. – До тех пор, пока это нужно Ролэнси, я с уважением и радостью буду беречь и сохранять союз с князем Эском. Но Священный Князь повелел нам возлюбить только шуриа, о диллайн речи не шло. Некоторых из них я уважаю, одну из них я... на одной я женился, но, когти Локки! – это вовсе не означает, что я забыл все, что было между диллайн и нами. Я слишком долго с ними воевал, чтобы теперь начать вдруг доверять им всем и любить все желтоглазое племя! И когда... хм... если Вилдайр Эмрис прикажет мне повернуть оружие против Эска, я не поколеблюсь ни минуты. – Он пожал плечами, стряхнул задумчивость, словно пылинку с рукава мундира, и сменил тему: – Поэтому ты выдавишь из своей юной наглой натуры всю предусмотрительность и усердие, на которое только способен, и ни на миг не оставишь эрну Мирэйр грустить в одиночестве. Ясно?

– Да, милорд! – бодро прищелкнул каблуками адъютант. А потом уточнил с опаской: – Но... ну... а как мне ее развлекать? Милорд? О чем разговаривать?

– Расскажи ей о репе, которую вот уже третий год безуспешно пытается вырастить твоя мать, – усмехнулся Рэймси. – Или о покрое дамских платьев, что ли... Все. Пошел! Если понадобится, меня можно будет найти в штабе. И помни, что, пока меня нет, эрна Мирэйр – твой командир. Ну? Шагом марш!

На ландкарте Идбер – длинный и узкий, вытянувшийся вдоль синтафских... извините, файристанских границ, больше всего походил на этакого удава, причем плотно пообедавшего, если счесть «брюхом» знаменитые «ничейные» болота на рубеже с Эббо. Но «змеиные» сравнения с недавних пор в ролфийском обществе считались дурным тоном, вроде сытой отрыжки в присутствии дам, потому эрн Рэймси, немного подумав, нашел для Торговой Республики иной эпитет:

– Экая кишка, господа! И весьма плотно набитая. Ну-ка, давайте, пока есть время, найдем местечко, где ее проткнуть.

И задумчиво провел по расстеленной на столе карте острием скейна.

– Чтобы на нас вывалилось все скопившееся там дерьмо? – хмыкнул эрн Сэйранн, командир Пехотной дивизии. – Эвейн, не забывай – нас только девять тысяч, к тому же разделенных надвое. Почти без кавалерии – ведь не считать же кавалерией те крохи, что ты выгрыз у Носатого Филина! Желтоглазые могли бы и расщедриться для союзников.

– Ты же знаешь Кана не хуже меня, Элдайр, – Рэймси пожал плечами. – Четыре эскадрона – лучше, чем ничего.

– Я бы не делал таких уверенных заявлений, – эрн Сэйранн сморщил нос. – С этими мятежами, заговорами, революциями и поспешными присягами кто поручится за верность твоего диллайнского приданого? А ну как наши союзники прямо на марше решат присягнуть кому-нибудь еще, да и ударят нам в спину? А?

– Вот именно поэтому полковника Конна и нет сейчас за нашим столом, – развел руками командующий. – Так что можно считать этот совет практически тайным. Нет, я не боюсь того, что союзная конница вдруг перевернется и ударит нам в спину. Наши ребята отлично умеют быстро перестраиваться в каре, так что тем, кто попробует ударить, можно лишь посочувствовать. Но мы ведь будем держать ушки на макушке, господа? – и подмигнул соратникам.

– Женитьба дурно на тебе отразилась, Эвейн, – неодобрительно покачал головой эрн Бренги. – Умерь свою игривость и наметь для нас хотя бы приблизительный план. Как ты намерен действовать против идберранцев сейчас?

– В данный момент – никак. – Рэймси зевнул и сладко клацнул зубами. – Вот когда маршал Кербази с той стороны, – и небрежно повел рукой в сторону Идбера, – изволит развернуть свои войска да подтянет все ополчение, что они сейчас мобилизуют... уа-а-у... вот тогда и поглядим. А пока: плацдарм мы заняли, обе дороги перекрыли, мосты заминировали... уже или еще нет?.. Экейц Кербази известен стальными нервами, не так ли? Посмотрим, правда ли это или очередная конфедератская болтовня.

– И как же ты собираешься проверить нервы маршала Кербази на прочность, Эвейн? – с предвкушающей ухмылкой полюбопытствовал начальник штаба.

– Выплюсь – расскажу, – отрезал Чесночник. – Займись разведкой, наладь связи с местными агентами. Эск мне целый список презентовал – вот, ознакомьтесь-ка, господа.

– А кто взвалит на себя обязанность... м-м-м... создавать положительный образ нашего корпуса в глазах обывателей? А то ведь с этими новыми... как бишь их теперь?.. файристанцами нужно поаккуратней. Когти Локки, это ты у нас – воитель из легендарных времен и успел пожить при императорском дворе, а нам-то как быть? Чуть что – и ведь полетят перья, Эвейн. Меня учили воевать с пушистиком, а не раскланиваться с ними при встрече.

Озвученные сомнения эрна Бренги энергичными кивками поддержал эрн Сэйранн. Он тоже не очень хорошо представлял себе последствия какого-нибудь неловкого шага в отношениях с союзниками.

– Не берите в голову, братья. – Рэймси снова зевнул, да так, что на глазах выступили слезы. – Они тоже не слишком уютно чувствуют себя в нашем обществе. Но для того, чтобы перья все-таки не полетели, у меня есть замечательный способ. Этаким неожиданный резерв, который склонит весы Удачи на нашу сторону.

– Какой еще резерв? – начальник штаба нахмурился.

– Тэйгайр, еще немного – и ты меня разочаруешь. У меня же имеется настоящая дил-лайнская княжна! Если кто и не даст нам сесть в лужу, так это эрна Мирэйр.

– О! – офицерский дуэт вышел весьма слаженным. Вот что значит многолетние тренировки!

– Уж не собираешься ли ты включить супругу в состав нашего штаба? – ласково прижмурился эрн Сэйранн, не скрывая предвкушения. Женоненавистников в Экспедиционном корпусе не водилось, и единственное, пожалуй, от чего страдали чины воинства Рэймси, так это от отсутствия в составе корпуса двух-трех прапорщиц для канцелярской работы. Ну вот чем бы они помешали? Так ведь нет же, «Чесночник» строго-настрого запретил брать с собою женщин. «Везти сову в Санниву?! – старинной поговоркой отмел он все возражения. – Господа, вы что, забыли о второй по важности нашей задаче? И, кроме того, союзники сперва должны привыкнуть к нашим шокирующим их обычаям». Что правда, то правда: и материковым обывателям было бы дико узреть свирепых ролфиек с пистолетами и скейнами, особенно учитывая, что на Ролэнси женщины в армии предназначались все-таки не для того, для чего обычно предназначаются женщины в расположении войск, и... м-м... ненавязчивое улучшение континентальной породы было не последней, хоть и не основной, задачей Экспедиционного корпуса. Рэймси сказал – Рэймси сделал. Даже среди воителей ланцета и клистира не нашлось места ни одной форменной юбке, хотя в ролфийской армии медициной традиционно занимались именно дамы. Традиция потому что такая. Так что, лишенные общества своих волчиц, ролфи тоже чувствовали себя не слишком уютно. Поэтому юная эрна Рэймси имела все шансы мгновенно завоевать сердца Экспедиционного корпуса в полном составе.

– И поставлю на довольствие, если понадобится! – щелкнул челюстями Рэймси. – Она – дочка их обожаемого Эска, фактически принцесса и уж наверняка точно знает, как нравиться своему народу. Одно дело, когда мы, зубастые ролфи, говорим о мирных намерениях, а совсем другое – когда то же самое скажет им дочь Аластара Эска. Это будет для них гарантией. Ей они поверят скорее, чем нам. А уж если вспомнить тот знак, который подала Огненная Луна в Амалере! Лучшего символа сердечного... э... согласия между нами и файристями не найти.

– Бедная маленькая птичка, – сочувственно поморщился эрн Бренги. – Невеселое это занятие – быть символом. Что ж, постараемся ей помочь.

– Да уж, постарайтесь, – и Рэймси откровенно показал зубы. – Очень на вас надеюсь, господа. А теперь вернемся к нашим делам. К следующему совету, на который нам придется пригласить и полковника Конна, хотелось бы окончательно определиться с планами.

Мирари

Сравнивать городок, в котором расположился штаб ролфийского Экспедиционного корпуса, с Амалером было так же бессмысленно, как цветок подорожника с сортовой розой. Маленький, грязный и невзрачный Аррос, в котором из достопримечательностей – площадь, где двести лет назад повесили знаменитого разбойника Картри-Сороку, и самая большая в Эскизаре лужа, которые мэр, господин Фэрил, лично показал эрне Рэймси в день приезда. В дороге Мирари укачало, она едва на ногах держалась от усталости, но не смогла отказать трясущемуся от ужаса и восторга градоначальнику, встретившему карету юной генерал-фельдмаршалши. Тому тоже не приходилось раньше видеть сиятельных княжон, а посему господин мэр не только заикался, но и спотыкался, норовя наступить высокой госте на ногу.

Лужа произвела на Мирари неизгладимое впечатление своей шириной и зловонием, благо знаменитая своим висельным прошлым площадь располагалась практически за углом. И там эрну с нетерпением поджидала целая делегация горожан. Полицмейстер, начальник почты, аптекарь, писарь и цирюльник с чадами и домочадцами. Рядышком отирался оставшийся без места в жизни бывший императорский рив. Ролфийские солдаты – это одно, а настоящая, всамделишная дочка самого Эска – совсем иное. Событие, которое еще нескоро повторится.

– Ваше высочество, миледи, не откажитесь отужинать в семейном кругу. Моя супруга гуся запекла.

Гусь присутствовал лично – обложенный печеными яблоками, возлежал он на серебряном блюде, приветственно задрав толстые, покрытые корочкой ляжки. Блюдо держала перед собой пунцовая от напряжения госпожа Фэрил. В честь встречи несчастная женщина до полуморока затянулась в корсет, в котором, должно быть, полвека назад выходила замуж.

– Не побрезгуйте, сиятельная... – прохрипела бедняжка мэраша.

Атласные ленточки накрахмаленного до хруста чепца мертвой хваткой сдавили все три ее подбородка.

От одной только мысли о жирной и жесткой гусятине молодой женщине подурнело. Но совсем отказать в милости этим гостеприимным людям княжна не могла.

– Это так мило с вашей стороны, госпожа Фэрил, я попробую кусочек. Я ведь еще не виделась с супругом, – улыбнулась она и отковырнула кусочек яблочка предложенной серебряной вилкой. – Эрн Рэймси будет недоволен.

Возможные последствия неудовольствия генерал-фельдмаршала привели в трепет даже самых отважных арросцев, и Мирари благополучно отпустили с миром. Гуся пришлось нести примчавшемуся на подмогу Кэйбри.

– Как поживает... э... эрн Эвейн? – осторожно поинтересовалась юная супруга.

– Очень скучает, – бодро отрапортовал адъютант, глазом не моргнув.

Скучающих ролфи новоиспеченная эрна представляла себе весьма смутно. Все, кого она до сих пор видела, были обязательно чем-то заняты: солдаты чистили оружие или маршировали, офицеры раздавали указания или что-то писали, а сам эрн Рэймси вообще не знал роздыху. Исключение он сделал, пожалуй, только для исполнения супружеского долга. Опять же, сравнивать свои впечатления от практики с теорией, почерпнутой из романтической литературы, Мирари тоже не стала. Уважаемый супруг оказался внимательным и... м-м-м... целеустремленным.

– Засыпайте, дорогая. Вам завтра рано вставать, – сказал он, совершив обязанность мужа, и заботливо укрыл девушку одеялом.

И останься они в Амалере, у княжны достало бы времени обдумать каждое его слово и действие, но наутро ее уже ожидала карета, готовая везти эрну Рэймси вослед за супругом. Самостоятельно путешествовать оказалось потрясающе интересно. Столько людей вокруг,

незнакомых, чужих, разных, и рядом никогошеньки в красно-белых ливреях. То, чего нельзя было княжне Эск, оказалось можно для владетельной эрны – покупать пирожки у деревенских хозяек, пить колодезную воду, спрашивать дорогу у мальчишек. И, конечно, заказывать на постоялом дворе кружку эля и заедать его горбушкой хлеба, пропитанной пахучим маслом и присыпанной крупной серой солью. Право же, Мирари очень понравилось быть замужней дамой.

Под резиденцию командующего Экспедиционным корпусом выделили дом сбежавшего в Синтаф тива – добротный коттедж в стародиллайнском стиле: дикий камень, беленые балки перекрытий, узкие маленькие окна, огромный камин.

– Мне нравится, – обрадовалась Мирари, по-хозяйски обозревая свои временные владения.

– Ничего так, – нехотя согласился Кэйбри. – Усадьба милорда вам тоже понравится, и она гораздо колоритнее.

– Не сомневаюсь. Поставьте куда-нибудь эту несчастную птицу. И надо будет вернуть блюдо.

– Не извольте беспокоиться, миледи.

У миледи имелось столько поводов беспокоиться, что сохранность чужого серебра волновала ее менее всего. Мирари переживала из-за своих платьев, чей крой явно пришелся мужу не по вкусу, она волновалась из-за того впечатления, которое производит на ролфийских офицеров своим незнанием многих их обычаев, она страшилась не справиться с обязанностями супруги генерал-фельдмаршала, подвести этого странного человека.

– Мне придется найти модистку, чтобы перешить наряды.

– Вряд ли в Арросе водится такой зверь, – хмыкнул Кэйбри и яростно принялся к гусю. – А зачем вам?

– Сделать пояса к платьям. Это важно!

Конечно, важно. Эвейн четко выразил желание лицезреть ее талию. Будем ее теперь делать.

– Миледи, – вкрадчиво промурлыкал адъютант, с трудом отрываясь от занимательной игры в гляделки с жареной птицей. – Вам бы не мешало отдохнуть с дороги. Барышни ваши уже и водички согрели для ванны. А я пока... м-ням... раздобуду какую-нибудь тетку с нитками и иголками.

– И сообщите Эвейну...

– Непременно, миледи. Одна нога здесь, другая там.

«О, как я недогадлива!» – поняла Мирари и поспешила оставить урчащего Кэйбри наедине с гусем. Каждому свое. Ролфи – покушать, диллайн – искупаться. В конце концов, ванна – это самое прекрасное, что может случиться с путником в конце пути, даже если ею окажется обыкновенная бочка из-под вина, наполненная чуть теплой, пахнущей тиной водой. Но диллайнская княжна не роптала, ее воспитывали переносить все испытания молча и с достоинством.

И едва только эрна Рэймси привела себя в порядок, как в резиденцию главнокомандующего стали по очереди заходить офицеры, чтобы поприветствовать юную даму, приложиться к ее ручке и предложить любые свои услуги.

– Миледи, вы прекрасны! Ваше присутствие – такая честь для всех нас! – рассыпался в комплиментах эрн Сэйранн. – Эвейн очень скучал по вам, миледи. Кстати, скажу вам по страшному секрету, наш генерал-фельдмаршал – большой сладкоежка. Вы ведь привезли с собой мед или варенье?

Утренние сласти положительно влияли на общий настрой «Чесночного» генерала, и в них подчиненные были кровно заинтересованы.

– И мед, и варенье, и повидло.

– Миледи, вы – чудо!

Довольный Сэйранн ретировался, и вместе с ним исчезла левая гусиная голень. Правое крыло было откушено чьими-то острыми зубами еще раньше.

Следом явился эрн Брэнги, доверительно сообщил, что милорд просто расцвел после женитьбы, напомнил про сладости и украл левое крыло.

Проницательная диллайн тут же узрела тенденцию и завернула правую гусиную ногу в салфетку. От ролфийских зубов подальше. И оказалась совершенно права, ибо к ней потянулась череда офицеров-визитеров, и каждый счел своим долгом сказать комплимент, намекнуть на любовь эрна Рэймси к сладкому и отщипнуть от жареной птицы.

Когда поздно вечером «Чесночник» явился домой, его взор пал на пустое, дочиста вылизанное с обеих сторон серебряное блюдо.

– А где?

– А вот! – Мирари горделиво откинула салфетку со своей добычи.

Польщенный такой заботой, Рэймси смущенно проорчал:

– Дорогая моя, вы так добры... спасибо... вкусно... хорошо прожарено... уррр...

Он заснул с косточкой в зубах. Сытый желудок сыграл с измотанным до предела генералом глупую шутку – одним ударом отправил в царство сна.

– Кэйбри... Где вы? – шепотом прокричала Мирари.

– Я тут, миледи.

– Его надо бы уложить на кровать. И... достать кость.

– Так точно, миледи!

Первое получилось, второе – не сразу. Ролфи даже во сне не хотел отдавать добычу.

Кухарка, женщина по имени Нимервин, оладьи испекла пышненькие и золотистые, а Мирари полила их медом и подала супругу вместе с чашечкой кадфы.

Оказывается, сказать банальное «Доброе утро, Эвэйн» и увидеть радость в его глазах – несказанно приятно. Еще приятнее, когда в благодарность тебе деликатно целуют ладошки, героически принесшие поднос.

Все-таки в замужестве есть и положительные стороны, а не только переживания и беспокойства.

Генерал не пожелал блаженствовать в одиночестве и пригласил юную супругу вкушать запретную сладость вместе.

– Мирэйр, мне необходима ваша помощь, – вдруг сказал ролфи.

– Конечно. Я сделаю все, что в моих силах, милорд.

– Потому к вам и обращаюсь, дорогая. Только вы и можете мне помочь.

Доверие в сложном деле – в глазах диллайн это высшая степень близости. Только самые любимые, только самые родные способны просить помощи в трудную минуту. Словом, Мирари почувствовала себя польщенной, когда эрн Рэймси изложил ей суть своего плана по завоеванию расположения у местного населения.

– Сделайте так, чтобы эскизарцы не боялись ролфи, подскажите нам, как обойти острые углы, как избежать недоразумений.

Легко сказать! Века недоверия и вражды не испаряются, как снег на весеннем солнце, за несколько дней. Мирари задумалась. Вот что бы она сама сделала, потребуйся ей познакомиться с незнакомцами, друг к другу не испытывающих особых симпатий? Что могут предложить осторожным диллайн порывистые ролфи? Ну, кроме галантности своих мужчин и их строгих мундиров?

– Мне кажется, обществу должна понравиться идея танцевальных вечеринок, – робко предложила Мирари.

Эрне Рэймси довелось послушать, как играют музыканты Экспедиционного корпуса. Пусть исключительно военные марши и лихие народные мелодии, зато как душевно и задорно! Ноги сами идут в пляс.

– Когда люди собираются вместе, чтобы кушать и танцевать, то симпатии появляются сами по себе, – и поспешила добавить, чтобы ни в коем разе не показаться мужу самоуверенной дурочкой: – Мой отец в самые напряженные моменты всегда устраивал балы.

– Отлично! Пусть будут танцы. Я распоряжусь насчет оркестра и правил поведения.

У генерала получилось не слишком ласково, зато очень уверенно. Мирари не сомневалась – музыканты будут стараться изо всех сил, а офицеры поразят арросских барышень манерами и выправкой.

«Я докажу всем... Всем докажу!» – подумала девушка, с трудом представляя, кто эти «все».

И принялась за организацию вечеринки со всем усердием и целеустремленностью, свойственным детям Меллентан. Первым делом эрна Рэймси в сопровождении бравого Кэйбри нанесла визит вежливости в дом мэра. Серебряное блюдо вернуть, поблагодарить за теплую встречу и высказать чаяния своего батюшки всеми силами и повсеместно содействовать возникновению дружественности между подданными Файриста и Ролэнси. Мирари являла собой живой пример налаживания взаимной привязанности народов.

«Уж как привязали, так привязали. Бедная маленькая птичка», – шепотом вздыхала госпожа мэрша и украдкой вытирала медового оттенка очи.

Мэр внимал ее высочеству с трепетом и клялся в любви к ролфи, переданной ему с молоком матери, которая по бабкиной со стороны отца линии была почти чистокровной фаолхэй-ери.

– Танцы – это прекрасно, танцевать мы всегда готовы. Мы как раз не успели еще и праздник затеять. Вот и кстати будет, – обрадовался господин Фэрил.

– Какой еще праздник? – удивилась Мирари, не без оснований заподозрив арросского мэра в почитании Предвечного. Был как раз канун Первого Летнего Благоденствования.

Мэр тоже вспомнил о празднике и перепугался до икоты.

– Ну это... начало царствования... батюшки вашего... ик... интро... интронизация...

– Коронации еще не было, – добрая княжна милостиво спасла градоначальство от апоплексического удара.

– Уф...

– Пусть это будет просто танцевальный вечер на свежем воздухе.

– С закусками? – оживилась мэрша. – Господам офицерам понравился гусь?

– Очень, – ответила Мирари за пришедшего в ажитацию Кэйбри, чем окончательно покорила сердце адъютанта.

Госпожа Фэрил обрадовалась перспективе ничуть не меньше. Оказывается, гусей в Арросе разводили все: и землевладельцы, и арендаторы, и простые горожане. И ради установления дружественных отношений не пожалеют даже самого паршивого гусенка, заверила мэрша. Гусят Мирари стало жалко, и она согласилась только на взрослых, уже успевших пожить и насладиться жизнью гусаков, хотя по лицу Кэйбри было件нятно, что ролфи не откажутся ни от гусят, ни от гусаков, ни от гусынь.

– И заверяю вас, госпожа Фэрил, офицеры в отношении девиц и дам будут вести себя достойно.

Нельзя сказать, что мэрша воодушевилась уверениями Мирари. Три взрослые незамужние дочери – это, знаете ли, повод внимательнее всматриваться в каждого встречного холостого мужчину и рассчитывать на его неосторожность.

– Как вы думаете, Кэйбри, ваши... наши офицеры не станут вести себя как буки? Понравятся ли им диллайнские девы? – настороженно спросила княжна у задумчивого адъютанта. –

Его высокопревосходительство, конечно, может приказать, но... Мне бы хотелось, чтобы все выглядело естественнее.

– Не волнуйтесь, миледи. Жареные гуси и румяные девушки – это лучшее, что может случиться с ролфийским солдатом на чужбине, – уверенно заявил он и облизнулся.

А перед Мирари стояло еще две важные задачи – написать план действия для утверждения оногo эрном Рэймси и перешить одно из своих лучших платьев. Первое далось легко, второе – сложнее во всех отношениях. Эвейн не был в восторге от имперской моды, полагая, что мужскому взгляду жизненно необходим вид дамской талии. Но Мирари, столь чувствительной к чужому недовольству, хватило нескольких неодобрительных взглядов на ее гардероб и, наоборот, горячих похвал изяществу ее талии. С этим надо было что-то срочно предпринять. А что делают диллайн, сталкиваясь со сложной конструктивной задачей? Правильно! Они придумывают что-то новое.

Мужу не нравятся шмизы? Не беда! Изобретем новый крой и сочиним радикально другую моду. С богами можно, а с юбками нельзя? Чепуха! Муж хочет талию – будет ему талия в лучшем виде. Главное – точно сформулировать задачу.

И ко дню, на который были назначены танцы, уже никто в Экспедиционном корпусе не сомневался в том, что эрну Рэймси снова повезло несказанно. На этот раз с супругой. У леди Мирэйр обнаружились стальные когти и мертвая хватка. «Маленькая бедная птичка» добилаcь всего, чего хотела: устроила вечеринку, перезнакомила всех незамужних девиц с холостыми офицерами и сразила провинциалов наповал фасоном наряда – с талией, подчеркнутой ярким кушаком.

– Мирэйр, вы – лучший из моих генералов, – искренне похвалил супругу эрн Рэймси, удовлетворенно переваривая арросского гуся и поглядывая на своих ролфи, уверенно вальсирующих с разрумянившимися арросскими девицами. Танцы устроили прямо на площади, разместив по периметру столы со снедью. Маневр, преследующий двойную пользу: помимо эстетической радости от созерцания блюд с гусятиной, корзин с пирожками и... м-м... котлов с пылающей голубым пламенем жженкой по-контрэнтски, эрн Рэймси получал некую гарантию, что никто из его волчар не ускользнет в густеющую темноту эскизарской ночи с местной барышней на плече... незамеченным. Идея расстановки столов, кстати, тоже принадлежала юной эрне. Видно, уже оценила особенности ролфийского характера и чисто по-диллайнски рассчитала, что мимо еды ни один сын Морайг спокойно не пройдет.

А еще, конечно же, фейерверк – благо в Экспедиционном корпусе хватало умельцев делать «бух!» не только громко, но и красиво. Глядя на расцветающие в ночном небе огненные шары и слушая восторженные возгласы обывателей, Эвейн язвительно подумал, что подобное зрелище отлично видно с идберранского берега. И слышно тоже. Значит, задача выполняется, и нервам маршала Кербазы суждено истрепаться напрочь. Сожжение чучела тива Хереварда, кстати, тоже вышло оч-чень зрелищным.

Корпус стоял в Арросе уже вторую неделю, и никто не посмел бы сказать, будто Рэймси тратит время даром или предается неге, запутавшись в юбках молодой жены. К слову, он еще и до юбок-то толком не добирался. Лихой кавалерийский наскок в брачную ночь не в счет. Но когти Локки! Время! Стойкое желание наконец-то заняться исполнением супружеского долга, вплотную и с должным тщанием, возникавшее у эрна Рэймси поутру, сойдясь в беспощадной схватке с голодом, уступало позиции соблазну отведать очередных коврижек или, как бишь их, профитролей – мня-м-м... После окончания утренней трапезы под дверью уже начинал царапаться и нетерпеливо поскуливать Кэйбри, намекая на очередной список неотложных дел, и генерал с головой нырял в дневные заботы, да так, что к обеду нередко вообще забывал, что у него теперь есть жена. В итоге вечером, точнее, ночью, когда измотанный Рэймси вваливался на квартиру, сил у него оставалось ровно на то, чтобы отдать должное гусятине, стя-

нуть сапоги и снять мундир. И захрапеть, накрепко обхватив талию своей пушистой птички. Правда, в кружевном безумии пеньюара отыскать талию супруги тоже было непросто, но коль скоро удалось с платьями, может, постепенно получится донести до юной диллайн – ложась спать, совершенно необязательно забираться в этакий мешок с завязочками у горла, из которого наружу торчит лишь голова да кончики пальцев. Пр-роклятые юбки. И когда же дамы поймут, что совсем без юбок они выглядят гораздо аппетитней?

– Вам непременно следует танцевать, моя леди, – категорично заявил эрн Рэймси. – Молодым красивым дамам на праздниках полагается танцевать и веселиться. Увы, я не смогу составить вам пару – мне слишком давно не приходилось вальсировать. Поэтому... Кэйбри! Оставь в покое гуся, он куда-то уже не улетит, и поди сюда.

И пока адъютант послушно кружил в танце диллайнскую княжну, генерал попивал пунш и благостно размышлял: о прошедшей штабной игре, о завтрашних маневрах конной артиллерии совместно с уланами полковника Конна, о подсохших к лету дорогах и полях Идбера – и о том, что Кэйбри следует оторвать его наглые ручонки. О, и эрн Сэйранн туда же! «Позволь пригласить твою даму, Эвейн!» Ишь, осмелел, разулыбался, хвостом завилял. У самого уже младшая внучка на выданье, а поди ж ты!

– Обойдешься, – рыкнул Рэймси и подал руку своей порозовевшей от танца и смущения супруге. – Моей леди надобно отдохнуть. Идемте, дорогая.

И повлек ее в сторонку, подальше и от танцующих, и от любопытных офицеров, и от еще более любопытных горожан. Зато, наоборот, поближе к столу, ролфийскими вояками почти нетронутому в связи с отсутствием на оном мясного и спиртного.

– Сок, – Рэймси повел носом на соблазнительный пузатый кувшин. – Яблочный. Или сидр. Не желаете присесть и немного освежиться, моя леди?

Рядом со столом нашлась еще и лавка. Не слишком аристократическое сиденье, ну да что делать. Впрочем, эскизарская... ну да, принцесса! – уже, кажется, привыкла к тяготам походной жизни. И беспрекословно уселась на простую, фактически селянскую лавку, выжидая мерцающую на генерала золотыми глазами.

– Нам с вами надобно обсудить дальнейшее, Мирэйр, – заложив руки за спину, он встал напротив, но смотреть на нее долго не стал, отвел глаза.

Если долго смотреть в огонь, ночь покажется потом еще темнее, не так ли?

– Со дня на день я надеюсь получить известия... – Рэймси на миг умолк, а потом все-таки не стал играть в секретность с собственной женой. – Точнее сказать, приказы касательно наступления моего корпуса. Это означает, что наш милый отдых на границе с Идбером наконец-то закончится. Мы пойдем вперед, ударим и, не сомневайтесь, сумеем пробить их оборону и выйти на назначенный мне рубеж. Но... Это будет уже настоящая война, Мирэйр. Со стрельбой, ночными марш-бросками, канонадой и кавалерийскими атаками. На вражеской территории. Наверняка будут и диверсии, и ненависть местного населения, и убийцы, охотящиеся за моей головой. И, боюсь, что не только за моей.

Она промолчала, только чуть расширила глаза, но генерал уже привык к диллайнской врожденной немногословности и ничуть не сомневался – супруга слушала очень внимательно, не пропуская ни слова. Супруга... Какая, когти Локки, супруга? Вот эта... девочка? И ее он собрался тащить за собой в Идбер!

– Вы не ослышались, дорогая, я сказал – боюсь. Охотиться станут не только на меня, но и на тех, кто мне близок и дорог. Наш противник – отнюдь не светский правитель Идбера. Мы собрались воевать с эсмондами, с тивом Алезандезом и его присными. И уж они не упустят шанса расправиться разом с двумя врагами – Эском и мной. Вас, дочь князя Файриста и мою жену, могут попытаться похитить или даже убить. Разумеется, допустить такое невыносимо для любого ролфи, не только меня, но опасность все-таки есть. И поэтому передо мной теперь воз-

никла некая дилемма, разрешить которую я не могу. Везти вас за собою в Идбер – неразумно и опасно, но и отослать вас – немыслимо.

Диллайнская княжна невозмутимо кивнула и заявила с упрямым выражением на лице «Я уже не ребенок!»:

– Согласна. Немыслимо еще и потому, что я не вернусь в Амалер без вас, Эвейн.

Она, в конце концов, полноправная супруга, а не игрушка. Захотел – поигрался, передумал – обратно в сундук положил.

«Так не пойдет!»

Жизнь замужней дамы, со всеми правами и привилегиями, положенными ролфийским женам, Мирари определенно нравилась. Быть хозяйкой не на словах, а на деле – очень здорово. И целиком по-диллайнски – покинув родительское гнездо, не возвращаться никогда, а вить свое.

– Да? Любопытно, отчего так? – хмуро поинтересовался Рэймси. – Вы же совершенно не знаете меня, Мирэйр, и не представляете, что такое ролфийская армия на марше и что такое я во главе этой армии. Эти славные ребята, – он махнул рукой в сторону танцующих, – там, за рекой, в Идбере, станут совсем другими. И я тоже стану другим. Я пришел, забрал вас, разлучил с отцом, оторвал от привычной и спокойной жизни – когти Локки, да я ее попросту разрушил, вашу жизнь. Наверняка ведь был какой-нибудь юноша, более милый вашему сердцу, чем клыкастый солдафон вроде меня. И теперь вы решили следовать за мной на театр боевых действий. Почему? Я-то знаю причину, по которой проделал все это с вами, но вот вы...

Думать про Раммана Мирари себе запретила еще перед свадебной церемонией, похоронив свою несчастную маленькую любовь под розовым кустом, так, как когда-то в детстве умершего котенка – слабенького полосатого доходягу. Отцовский грум – Варалис, прекрасно разбиравшийся в звериных хворях, сразу сказал: «Не жилец», а она пыталась выходить тварюшку и вконец замордовала. Придумать себе любовь, а потом страдать – это в моде нынешнего века, но не выход для диллайнской княжны. Рамман... Рамман остался в прошлой жизни, куда нет возврата. И точка.

Юная эрна грустно улыбнулась супругу:

– Вы так давно воевали с диллайн, что забыли, какие мы по сути своей. Вы явились в Амалер в самый темный час моей жизни и неожиданно-негаданно указали мне путь. Новая жизнь, новые открытия – неужели вы не помните, что для нас, для диллайн, самое важное? Нам нужен смысл и цель. И я теперь буду с вами, милорд, везде, где это будет возможно, и всегда, когда стану потребна. На войне так на войне.

– Хорошо. Пусть так. Смысл и цель, значит. – Эвейн по-волчьи лихо ухмыльнулся. – Неплохо звучит для начала. – И снова посерьезнел. – Если бы вы были просто моей женой, Мирэйр, я бы отрядил конвой, чтобы отвезти вас к батюшке. Но вы – кое-что большее. Для меня, для посвященного Локки, вы – и есть Локка. В какой-то степени. В вас горит ее костер, я не мог этого не заметить и не мог не узнать. Когда богиня смотрит, нельзя не увидеть. А это значит – удача, и улыбка богини, и ее огонь, на который только и нужно идти. Расстаться с вами теперь – это самому лишить себя удачи. Кроме всего прочего. Именно поэтому, если вам интересно, я и просил вашей руки и забрал вас.

– Ах вот как! – Девушка всплеснула руками – плавно и красиво, как это делают дети Меллинтан, обожающие скупые, но яркие жесты. – Воистину прав папенька, когда говорит: «Ролфи никогда не довольствуются малым. Только – все и сразу». Вам, должно быть, мало было бы просто диллайнской княжны, вам нужна богиня. – Мирари невозмутимо пожала плечами. – Что ж, мы на равных, мой эрн. Мне – новый мир, вам – богиня. Все по-честному, не правда ли?

– О да! Воистину правы мои офицеры, когда говорят: «У нашей маленькой птички – стальные коготки!» – по-доброму передразнил жену ролфийский генерал. – Да, все по-честному. Почти. – И подмигнул эдак со значением: – Кстати, прекрасное платье. Этот крой идет

вам гораздо больше прежних... балахонов. И коль уж мы отныне решили быть откровенны – а мы ведь решили, не так ли? – не прислушаетесь ли еще к одному моему пожеланию? Касательно вашего гардероба?

Диллайн притворно возмутилась:

– В новый мир в старых платьях? Вы, верно, пошутили?

– Ну, коль скоро вы настроены так решительно, моя леди, тогда перенесите вашу решимость с платьев еще и на сорочки. Богине, отправляющейся завоевывать новый мир, не к лицу прятаться в кружевной... мешок. Право, неужто мне придется проводить рекогносцировку и составлять карту, дабы отыскать вас среди всех этих оборок?

Мирари сильно надеялась, что в сумерках Эвейн не разглядит ее смущение и пунцовые щеки. Но, к ее счастью, ролфи был поглощен обдумыванием ответного жеста.

– А взамен... а взамен... – Он не на шутку призадумался. – Немедленно, сейчас же, не сходя с этого места, требуйте что-нибудь взамен. Раз уж мы на равных.

Звучало очень воодушевляющее.

– О! У меня целых два требования. Когда, – Мирари специально сделала акцент на этом убежденном «когда», – мы окажемся в идберранской столице, вы купите мне знаменитый «Трав, цветов и всяческих древесных насаждений определитель профессора Морни», у нас его невозможно достать ни за какие деньги, и... – коварная диллайн мстительно прищурилась, – немедленно, сейчас же пригласите меня на танец. Ваши музыканты вот-вот заиграют «Долину Роз» – мою любимую песню.

Она дерзко протянула руку, еще раз напоминая, что не в правилах диллайн отказываться от задуманного.

– Хоть всю книжную лавку, – ухмыльнулся Рэймси. – И парочку зеленных в придачу. Только не обижайтесь, если я отдамлю вам ноги, миледи.

И когда отвальсировали, к обоюдному и превеликому удовольствию, сказал:

– Я, кажется, придумал, как нам с вами оказаться в идберранской столице и побыстрее добраться до вашего «Определителя»... Да! Такого маршал Кербази точно не ждет...

– Что такое армия, Мирэйр? – Благодушно прихлебывавшему утренний чай Рэймси так не терпелось поделиться оформившимися за ночь мыслями касательно грядущих маневров, что до совещания он не дотерпел и спешил выложить плоды своих размышлений хотя бы супруге. Тем более что верный Кэйбри, обычно пунктуальный, будто корабельный хронометр, в это утро отчего-то не спешил покашливать за дверью генеральской спальни. – Армия – это не просто наряженная в одинаковую форму во-оруженная банда злодеев, в основном стреляющих в одну сторону. Это – единый организм, и притом весьма сложный... О, благодарю, моя дорогая. Как называется это чудное... м-м... чудо?

– Меренги, или, как еще говорят, – «южный ветер».

– Меренги... – с плотоядной нежностью повторил генерал, словно смакуя каждый звук этого слова. – Великолепно... Как они потрясающе шелестят!

Хрусть! – и невесомое пирожное исчезло в ненасытной ролфийской пасти.

– ...и, как у любого живого существа, у армии обычно имеется голова... – он изобразил шутовской полупоклон, насколько возможно это было проделать, сидя в разобранной постели. – Ноги и руки, прочие важные органы, а также – брюхо. И именно оно заставляет армию передвигаться по дорогам, и чем лучше дороги, тем быстрее движется армия. Ибо брюхо, то бишь, Мирэйр, обоз, не может существовать без повозок, а повозки – без упряжных мулов и колес, а колеса и копыта увязают в грязи... Положим, мы не отягощены полевой артиллерией, потому что я отказался от нее сразу, сделав ставку на конную, каковая артиллерия, дорогая, образована специально для совместных действий с кавалерией, а потому наде-

лена гораздо большей подвижностью. Проигрывая в калибре и дальности, мы тем не менее выигрываем в маневре... Я уже говорил, как вы очаровательны в этом наряде, миледи?

– Нет, милорд.

– Ну так говорю сейчас: вы – очаровательны, – и поцеловал ее в полуобнаженное плечико. – Благодарю за великолепную ночь, дорогая.

Нарядом миледи служила сейчас только простыня, и лучше не вспоминать, каким ужасом и осуждением светились огромные глаза служанок Мирари, когда те поскреблись в двери, дабы подать завтрак, и обнаружили свою госпожу в таком непотребном виде. Или то была обычная женская зависть?

– И что же следует из всех этих условий? – спросил Рэймси. – Ну же, моя эрна! Диллайн славятся своим математическим умом.

– Ежели вам потребен математик, то надобно было жениться на моей младшей сестре, – показала коготки «птичка». – Армии необходимы дороги, верно?

– Зато вы мне обещали вырастить тыквы, – строго напомнил ролфи. – И эту... сладкую фасоль. С острым соусом. Лучше любой математики, на мой вкус. Абсолютно верно, армии дороги необходимы. Именно так думает идберранский маршал Кербаз. Отсюда, из Арроса, я могу двинуться всего в одном направлении – на Канвер. И там, у перекрестка, он меня и поджидает, в полной уверенности, что мимо я не пройду, куда бы ни нацелился: на Вэймс или же на другой город. С девятью тысячами ломиться на армию Кербаз в лоб – самоубийство. Поэтому мы направимся не к Вэймсу – его возьмут и без нас! – а на Ициар. Причем не в обход, по прекрасным идберранским дорогам, а прямо, по чудесным, ухоженным идберранским полям. Оставим здесь все лишнее, хорошенько перетянем наше «брюхо»! Все повозки и фургоны, кроме санитарных, все палатки, сундуки и койки – сбросить! И вашу карету, увы, тоже. Эти барышни, которых вы взяли с собой... хм... Пешком они за нами не угонятся. Разве что посадить их на снарядные ящики, ну так мы их потом не доищемся...

– А мулы? У вас... у нас найдутся для них мулы?

– Мулы найдутся. – Генерал кивнул и сладко потянулся, откидываясь на подушки. – Ух! Если все получится, я проткну шкуру Кербаз, как комар протыкает хоботком кожу спящего... – и сморщил нос, почесывая локоть. – Откуда они только берутся, эти твари? Вы же потом найдете какое-нибудь очаровательное растение, отгоняющее этих летучих убийц?

Диллайн кивнула.

– Насекомые – это бич армии, – вздохнул Рэймси. – В особенности клопы и блохи. А сейчас, в начале лета, еще и клещи... Да, мы тихонечко обойдем идберранцев полями и перелесками и – стремительно ударим по коммуникациям. Я устрою кровавый ужас в его тылах. И прежде чем он развернется, прежде чем сумеет меня поймать, буду уже далеко-далеко. Никаких генеральных сражений и штурмов. Пускай-ка погоняется за мной по всему Идберу!

– А если он не станет гоняться, а развернется и перейдет границу, чтобы напасть на Файрист?

– С девятитысячной волчьей стаей, резвящейся у него в тылу? – ролфи показал зубы. – Ну-ну. Рискую войной даже не на два фронта, а на три? Не думаю, что у него хватит на такое дерзости, Мирэйр.

– А у вас?

– Неужто вы усомнились в том, что я достаточно дерзок? – опасно прищурился Эвейн. – Вам нужны доказательства обратного? Прямо сейчас? Извольте, – и потянул простыню за краешек.

– Ах! – возмущенно пискнула Мирари.

– Ух! – щелкнул зубищами ролфи.

– Ваше высокопревосходительство! – очень не вовремя воззвал из-за двери Кэйбри. – Вам пакет!

- Я занят! – прорычал эрн Рэймси.
- Но... – не отставал бестолковый адъютант. – Ведь срочно!
- Через полчаса, Кэйбри. Пшел отсюда!

И Кэйбри послушно пошел. И, хоть верный и преданный адъютант не проронил ни слова о жизни его генерала за дверями спальни, все равно спустя очень недолгое время весь корпус, от ездового до начальника штаба, многозначительно переглядывался и понимающе ухмылялся. Дескать, Чесночник-то наш каков, а? И ночка ему коротка оказалась! А уж как доволен – словами не описать! Весь аж светится! Вот что значит любимец Локки – все у него ладно и складно, и жена не какая-нибудь, а настоящая диллайнская принцесса, а поди ж ты, любит! А что его не любить? Мужик-то он хороший. Одно слово – Ядреный Эвейн! А тут и наступление на носу, уже объявлено. Стало быть, выплет наш Чеснок идберранцам так, что не опомнятся. А раз такое дело, то и обоз не жалко бросить. Подумаешь, обоз! В Идбере свое возьмем. Скорее бы только, ух, поскорей бы!

Даже арросские девицы, даже, страшно сказать, гуси – все было забыто в этой лихорадке предвкушения, охватившей весь корпус. Скорей, скорей! Вперед! Там, за рекой – победа, удача и добыча! И, торопливо задирая юбку сговорчивой арросской барышне, ролфийский гренадер все равно поглядывал на дальний, вражеский берег Ирати, где на заросшем камышом и рогозом мелководье самозабвенно квакали идберранские лягушки и даже комары были идберранские, здешних, арросских, не в пример злее.

Грэйн и Удаз

Однажды, из любопытства посетив публичную лекцию о природе электричества и магнетизма, Удаз Апэйн узнал, кем является. Магнитом для неприятностей – вот кем. Стоило покинуть пределы Индары, как неблагоприятные события и отвратительные личности стали липнуть к бывшему тиву, точно железные опилки. Рессоры у дилижанса были никудышные, трясло его и швыряло немилосердно. Но это еще полбеды. Останавливать начали уже через час, и не кто-нибудь, а полицейские посты. Когда экипаж в первый раз резко затормозил, а в распахнутую дверцу сунулась краснощекая рожа в кивере, у ир-Апэйна чуть не приключился сердечный припадок. Он-то принял общую мрачность офицера на свой счет.

– Пр-редъявить документы! – скомандовал полицейский чин.

Опытному карточному шулеру ничего не стоит удержать на лице невозмутимое выражение. Только поэтому Удаз и преодолел желание броситься наутек. Ему каждый раз чудилось, что именно его паспорт разглядывали дольше, чем бумаги остальных пассажиров.

– А в чем, собственно, дело? Что происходит? – робко полюбопытствовал дородный господин, представившийся лекарем.

– Не ваше дело, сударь, – отрезал полицейский страж. – Без вас разберемся.

Грубовато, но для Эббо вполне в рамках пристойности. В Синтафе, там поглубже служивый народ.

Однако слишком долго теряться в догадках пассажирам не пришлось. После четвертой по счету остановки, проверки и досмотра измученные неизвестностью путешественники наткнулись на словоохотливого паренька. Правда, Удазу пришлось поработать переводчиком.

– Что случилось? – спросил толстяк-лекарь.

– Дык, эт самое, смертовбивец тиканул, чесу задал из Ротгара. Луикс, уже не помню, как его погоняло, не то Штык, а може, и Ножик... Чистый зверюга! Фьють! Кровищи пустил, шо кошмар и ужась полная. Зверь! И теперь повсюду наставили, натыкали, шо грибов в лесу опосля дожличка, сказали, всех мужуков шерстить. Маханул, стал быть, тудой! Ну, тудой! – молодой человек махнул в сторону Идбера. – Ну, тудой, а не суюдой. Все дороги прочесывают. Сказывают, не дадут убёгнуть. Ыгы.

– Из Ротгарской каторжной тюрьмы сбежал убийца, некий Луикс, – терпеливо перевел Удаз. – Теперь его ищут по всей стране, и так как направляется он предположительно в Идбер, то на всех дорогах, ведущих туда, расставлены посты.

– Так точно! Наставили нас тут, сударь.

– Премного благодарен за ценную информацию, молодой человек, – усмехнулся врач.

Апэйн, в свою очередь, вздохнул свободнее, но не стал обольщаться насчет личной злой удачи. А вдруг какому-то ретивому чину захочется проявить нелишнюю бдительность и повнимательнее изучить поддельный паспорт гражданина Базила? Нет, Удаз не сомневался, что ролфийский резидент сделал для него очень хороший документ, но с таким редким «везением», как у бывшего тива, зарекаться нельзя.

И правильно делал, что не зарекался. Ибо удача и не думала покровительствовать полукровке. Как на подбор, спутники попались один другого краше. Кроме доктора, разумеется. Например, сомнительных добродетелей дама, все время прикладывавшаяся к фляжке с самогонном. Во время очередной проверки она вывалилась прямо на офицера, облежала ему мундир и тут же потеряла сознание. Пришлось мужчинам оттащить храпящее тело в мокрых юбках в караулку. Всю оставшуюся дорогу, а сутки пути успели превратиться усилиями стражей порядка в три дня и две ночи, в дилижансе так воняло перегаром, мочой и блевотиной, что без остановки скандалящая семейная пара решила сойти раньше. Зато остались еще четверо совершенно не вызывающих симпатии человек – желчный мытарь, тщедушный юнец и «бра-

тец» с «сестрицей». Удаз, опытный в делах индарского дна, сразу опознал в этих родственничках мошенников. Девка служит приманкой, ее напарник оказывается в нужном месте в нужное время с дубинкой. «Сестричка» из кожи вон лезла: строила глазки и норовила вывалить грудь на всеобщее обозрение, рассчитывая на приставания попутчиков. Но, как назло, пассажирам не пришлось по душе брюнетистая девица с губищами, из которых хватило бы выкроить ртов на целых пять улыбчивых барышень.

Мытарь не выдержал домогательств настырной «сестрички» и позорно сбежал. Его примеру последовал лекарь, сказавшийся занедужившим. Удазу же осталось лишь завидовать чужой смекалке.

Очутившись наедине с юнцом и парочкой ловкачей, бывший тив сразу почувствовал себя дичью. А что с мальчишки взять, кроме суконного пальто и засаленного картуза? Вот господин Урден Дигим, служащий торгового дома «Кимерц и сыновья», – совсем другое дело. Полицейские стражи на заставах повторили его вымышленное имя столько раз, что у мошенников уже слюни текли от предвкушения. И чем дольше Удаз чуял на себе плотоядный взгляд «братца», тем больше приходили ему на ум грустные мысли о тщете противостоять насилию добрым словом. Никакие речи не остановят алчных мерзавцев, только нож или удавка. А не хотелось бы.

– Скоро почтовая станция, – промурлыкала девка.

– Как называется? – спросил Апэйн.

– Ерца, сударь мой.

Что в переводе означало «Болото».

«Прекрасно! Вот уж воистину всем символам символ», – решил бывший тив.

Надо ли говорить, сколь отвратительным местом оказалась эта Ерца? Впрочем, Удаз не ждал от поселения с таким звучным названием ничего хорошего. А еще он ошибся в методе работы «сестрицы». Вместо того чтобы предложить свое прекрасное тело в подарок, едва лишь «братец» вместе с юнцом удалились по естественной надобности, девка разорвала на груди платье, прыгнула на колени к «господину Урдону» и заверещала:

– Караул! Насил...

Крепкий тычок под дых заставил ее замолчать, но «братец» нарисовался рядышком при первом же изданном напарницей звуке.

– Да как вы смеете?! Вы – животное! Вы хотели обесчестить мою сестру! – патетически вскричал хитрец.

– Сколько хочешь? – спросил напрямую полукровка без малейшего смущения. – Полсотни ассигнациями, и удите рыбку в другом пруду?

– Да как вы смеете? Честь невинной девушки...

Парень оказался наглым и непонятливым, а у Апэйна не было времени на споры, да и тратить более пятидесяти оули на дураков он не собирался.

– Хорошо, друг мой, – вздохнул бывший тив. – Отойдем в сторонку и обсудим цену девичьей чести. Все же я надеюсь, что она хотя бы когда-то присутствовала у твоей «сестры».

Девка оскалилась, явно довольная развитием событий, ее напарник тоже повеселел. Они до сих пор думали, что имеют дело всего лишь с опытным и битым жизнью торгашом, которому просто неохота связываться.

В Индаре «девичья честь» в похожих обстоятельствах обошлась бы Удазу самое большее в семьдесят пять оули, и ни лейдом больше. Однако же мошенники почему-то решили поднять расценки, заломив полторы сотни.

– Ты в своем уме, дружище? – бывший тив не скрывал удивления. – Дорожная наценка? Или как понимать?

– Да как вам будет угодно, – оскалился «братец». – Или пройдемте к полицейскому.

Жизнь почти на самом дне, какой бы тяжелой она порой ни оказывалась, так и не научила Удаза Апэйна убивать без раздумий и колебаний. Даже полгода в долговой тюрьме не изменили

его незлобивую натуру. Влезть в драку – это запросто, а вот отобрать чужую жизнь... Только будучи загнанным в угол, когда отступать некуда. Не слишком-то по-ролфийски, не правда ли?

Удаз примерился к тощей шее мошенника, прекрасно представляя, как сейчас врежет «братцу» по печени, а когда тот согнется пополам, свернет наглецу шею одним движением. «Сестрица» даже пикнуть не успеет, точнее, не рискнет. Такие ушлые девки лучше прочих знают, что голосистые слишком долго не живут.

От прогретой солнцем земли шел прелый запах, напоминающий одновременно и о жизни, и о смерти, «братец» нес какую-то чушь, пытаясь то ли заговорить зубы, то ли произвести впечатление, а бывший тив думал о том, что так и остался чистоплюем, не умеющим и не желающим марать руки в крови. И отчего-то ему было совершенно не стыдно. Казалось бы, рунная магия, которой связала его Грэйн и которая ощущалась почти как пуповина, соединяющая нерожденного ребенка с матерью, должна будить ролфийскую свирепость и кровожадность. Но – нет! Никакого боевого бешенства, только внезапно обострившийся нюх и какое-то нечеловеческое спокойствие. Которое не покинуло Удаза, и пока он выбивал дух из «братца», и когда стреноживал «сестрицу». Убивать не стал, ограничившись несколькими прицельными ударами по стратегическим местам, связал наглых жуликов и оставил наслаждаться красками весны на лоне природы. Авось скоро освободит какой-нибудь случайный доброхот. Народ в Эббо корыстный, но добродушный. И развяжут, и водичкой напоят, и счет выставят за участие, как полагается.

Из тех же соображений возвращаться в экипаж Удаз тоже не стал. На встречу с эрной Кэдвен он опаздывал катастрофически, но рисковать свободой не торопился. Сытое довольство сильного – чувство, ранее практически незнакомое, – захватило бывшего тива в плен целиком. Прекрасное, пьянящее чувство превосходства не только над поверженными врагами, но и над своим страхом. Не убить из боязни за шкуру, как это делает большое, но глупое животное, а победить и переступить через ничтожных мерзавцев.

Теперь понятно, почему Грэйн не забила его насмерть тогда ночью, когда он напал на спящую. Как, оказывается, все просто.

«Разведка, моя дорогая Грэйн, – это, помимо прочего, еще и искусство исчезать, – наставительно молвил эрн Оринейр, выдавая девушке последние инструкции перед ее отправкой в Идбер. – Вот и попрактикуйтесь!» Словом, обнадежил. Правда, помимо почти отеческих наставлений Грэйн выпало еще выслушать сетования ролфийского атташе касательно операции «Ициар». Если вкратце – завязла операция, словно телега в лужах на разъезженном проселке. По самые втулки завязла. Слабенькая сеть из полутора десятков осведомителей – вот и все, что пока удалось организовать в идберранской «столице учености». О, были, конечно, и удачно внедренные агенты, но никому из них еще не удалось встать на след засекреченной мастерской. Опять же, рисковать никто не спешил – храмовые стражи из штаб-квартиры тива Алезандеза тоже не дремали, да и в светской контрразведке отнюдь не мальчишки-кадеты служили. По-хорошему, из всех республик Конфедерации похвастаться пристойной работой тайных служб мог только Идбер, и тамошние «псы» составляли весьма серьезную конкуренцию ролфийским Гончим.

И пока что, как ни стыдно это признавать, людей Оринэйра они переигрывали.

А посему, если эрне Кэдвен все-таки удастся проникнуть на территорию Идбера (и тут по тону атташе стало ясно, что не слишком-то он на это рассчитывает), то, помимо ее собственного специального поручения, Грэйн должна приложить все усилия, чтобы все-таки найти эту трижды проклятую лабораторию. Ибо время идет, Экспедиционный корпус высаживается, эрн Рэймси, того и гляди, отправит в Ициар диверсионную группу для захвата цели – а результатов пока не видно. И что прикажете делать диверсантам Рэймси без точных и своевременных сведений? Бегать строем по Ициару и хватать всех подряд?

Грэйн слушала все это – и проникалась осознанием. Опять! Когти Локки, как же искренне она любила братьев-посвященных из Собственной Канцелярии в такие моменты! В буквальном переводе прочувственная речь эрна Оринэйра означала: «Девочка, дело запахло не просто жареным, а паленым, и я слишком ценю моих собственных людей. А Конри любит такими, как ты, затыкать всяческие дырки в провальных операциях, так что – дерзай! А я погляжу, как скоро тебя поймают. И поберегу моих агентов».

Зато у эрны Кэдвен уже традиционно оказались развязаны руки. И вот теперь, потирая отбитый в седле зад, ролфийка с мрачной иронией размышляла о том, что успела избаловаться. Туманные перспективы, невнятная субординация и отсутствие четких указаний в сочетании с очень широкими полномочиями неизбежно порождают дурную привычку к самостоятельности. Любопытно, Конри и в самом деле считает, что поводок достаточно крепок?

Впрочем, размышлять на эти забавные темы у Грэйн пока не было ни времени, ни возможности. В Ибэору она добиралась по-разбойничьи, верхом. Отсиделась два дня на заброшенной мельнице неподалеку от Индары, дожидаясь известий об удачной «гибели» Удаза, а получив их, взгромодилась на коня и пустилась вскачь, стараясь не отставать от сопровождающего. Дорога заняла почти сутки, и все это время эрна Кэдвен думала лишь о том, как удержаться в седле и заставить себя вновь вставить ногу в стремя после кратких передышек и смены лошадей. Чувствовала она себя при этом персонажем «шпионского» романа популярного нынче в Конфедерации авантюрного толка. Мужское платье, черный плащ и надвинутая по самые брови треуголка – ну чем не героиня одной из любимых дамами книжек про побег, бешеные скачки и романтические переодевания? Не хватало, правда, кого-то мужественного и «дерзновенного» рядышком, но тут уж ничего не поделаешь. Тот, на встречу с кем скакала ролфийка, проклиная и лошадей, и седла, и дороги, в канонические рамки не укладывался. Романтический герой из бывшего тива Удаза – как из самой Грэйн шурианская шаманка.

Проводник довез девушку до какого-то полуразрушенного сарая в леске близ Ибэоры, строго-настрого наказал не высовываться, подробно описал внешность связного (о таких вещах люди Оринэйра позаботились заранее и сами), который должен будет найти здесь ролфийку, и немедленно отбыл восвояси, забрав с собою коней. Грэйн постелила плащ на слежавшуюся солому и провела беспокойную ночь среди ржавых кос, сломанных мотыг и граблей. Отчаянно болела каждая мышца в отвыкшем от верховой езды теле, а про ноги ей даже подумать было страшно – наверняка бедра и зад превратились в один сплошной синяк. Кавалерист из эрны Кэдвен все-таки вышел неважный. Если уж не дано – значит, не дано. Оставалось только надеяться, что эта очередная авантюра выйдет мучительной исключительно для ног и задницы, пощадив голову ролфийки. Она ведь не знала и половины из того, что было заготовлено людьми Оринэйра, да от нее и не требовалось знать. Агент уровня Грэйн, попадая в подобную ситуацию, становится чем-то вроде ценного пакета, передаваемого по эстафете. И чем меньше знаешь о внутренней «кухне» ролфийской разведывательной сети в Конфедерации, тем лучше. Все было приготовлено и отлажено и десятилетиями работало без перебоев, так что теперь от Грэйн и Удаза требовалось только одно – помалкивать, выполнять все инструкции и не лезть на рожон.

Наутро у покосившейся стенки сарая поскребся мальчишка-связной. Ролфи набросала пару строк для Удаза, разъяснила парню, кого именно он должен искать среди приезжих на постовой станции городка, оделила целым золотым оули и приготовилась ждать столько, сколько понадобится. Честно говоря, после скачки и ночевки на соломе шевелиться лишний раз ей не хотелось, так что Грэйн лежала на спине и считала пылинки, танцующие в солнечном луче под крышей. И дремала «вполглаза», пока возможность была. Неизвестно ведь, когда в следующий раз представится случай отдохнуть.

Удаз торопился, а потому покинул злополучную Ерцу-Болото как можно скорее. Нанял двуколку, без колебаний заплатив по двойному счету, как сделал бы любой служащий торгового дома, направленный в провинцию по делам. Время – деньги, как любят повторять в Эббо.

Видимо, кучер знал какую-то страшную конфедератскую тайну, потому что до самого въезда в Ибэору их никто не останавливал для проверки – ни полицейские, ни конные разъезды. Поэтому Апэйн не только поспел к назначенному сроку, но и опередил соратницу. К очередному своему разочарованию в человечестве.

Если Ерца переводилась как Болото, то Ибэора таковым являлась. Стоящий на берегу мелкой речушки город растекался по низине, постепенно вливаясь окраинами в бескрайнюю трясину. Окрестные фермеры вот уже который век безрезультатно сражались с заболачиванием, но ирригационные каналы не спасали.

Пропитанный гнилостными испарениями утренний туман, окутавший Ибэору, глушил все звуки. Ни шагов, ни цокота копыт, ни скрипа колеса, сколько ни вслушивайся. Будто городок вымер, будто жизни его обитателей унесла в когтях ночь.

И хотя Удазу повстречались живые люди – молочник с тележкой, заставленной кувшинчиками, парочка крестьянок и посыльный, – но их угрюмые лица и подозрительно мерцающие из тумана желтоватые глаза навевали нехорошие подозрения. Не нравился бывшему тиву этот городишко, не нравились зловещие звуки, доносящиеся откуда-то из тумана. Не поймешь, то ли птицы кричат, то ли люди стонут. А от мысли, что придется тащиться по мокрым кочкам в белесый сумрак, прошибал озноб.

Да что там переход через болото! Попробуйте не заблудиться в лабиринте узких одинаковых улочек, когда вокруг только черные заборы, осклизлые кирпичные стены и чавкающая под ногами грязь. А еще запах плесени и пробирающий до костей сырой холод.

После часа кружения по безлюдному городу Удаз понял, что без посторонней помощи не выберется из этого каменного «болота». Так и будет до скончания дней бродить в густом тумане от стены к стене, от забора к сараю. Несколько раз ему чудилось, будто следом кто-то крадется: шлепает по грязи и надсадно дышит, стараясь делать это как можно тише. Пока замираешь на месте, все тихо, но стоит сделать шаг, как начинается это странное преследование.

«Это разгулявшиеся нервы. Ролфи рефлексиями не страдают», – твердо сказал себе Удаз.

И направился в ту сторону, откуда доносился ровный негромкий гул голосов, схожий с рокотом волн.

Тут-то и нашла свое объяснение безлюдность Ибэоры – почти все горожане собрались на центральной площади и внимали мужчине в шапочке и мантии мэра, стоявшему на крыльце какого-то дома.

– ...Освобождение от власти узурпаторов из Эсмонд-Круга и создание новых гарантий безопасности на будущее является нашим правом, – громко читало вслух градоначальство с влажного листка.

Проклятый туман глушил звуки.

– ...только необходимость вынуждает нас разрывать узы вассальных и политических обязательств, связывавших нас с имперским правительством...

После этих слов Удаз насторожился и решительно двинулся вперед, без всякой деликатности работая локтями. В Синтафе случилось нечто из ряда вон выходящее. Что?

– Поэтому мы, владельцы и представители восьми провинций, а именно: Эскизар, Янамари, Локэрни, Канаварри, Рэйсон, Каритома, Элввали и Лираэнф, собравшись на общий совет, призываем Мать нашу, Меллинтан, подтвердить честность наших намерений и торжественно и открыто заявляем и записываем, что эти провинции соединяются отныне в свободное и независимое Княжество...

Горожане разноголосно зашумели, и бывший тив тоже не удержался от изумленного возгласа.

Аластар Эск все-таки сделал это! Он оторвал от Синтафа восемь северных провинций и провозгласил их независимость! Мало того, эскизарец отрекся от Предвечного!

– Совий сын! – хлопнул себя по бокам стоящий рядом с Удазом местный житель. – Это ж что теперь начнется?! Война?

– И война, и грабеж, и смертоубийство, – сумрачно подтвердил его сосед. – Чую, Эск затеял смуту почище Великого Раздора. Зря он, что ли, ролфей зазвал?

– Думаете, до нас докатится?

– А то! Всех накроет, не сумливайтесь, куманек.

Мужчина, судя по затертому сюртуку и лоснящейся шляпе, держал крошечную лавчонку, а то и вовсе работал на хозяина, но рассуждал более чем здраво. То, что затеял Аластар Эск, коснется всех и каждого, а возможно, изменит весь обитаемый мир.

«Манифест о независимости Княжества Файрист» перепечатали все газеты в Эббо. Удаз купил одну и внимательно ознакомился с ним, а заодно и с прелюбопытным документом под названием «О Вере и Народе». Низложение Предвечного путем издания государственного эдикта – это свежо. И не означает ли фраза «Мать наша Меллинтан», что диллайнский князь сумел вернуть расположение древней богини? И если это так... Словом, Удазу Апэйну срочно захотелось увидеть физиономию тива Хереварда, а заодно и своего родного отца. Вот это было бы зрелище!

Он аккуратно сложил и спрятал в карман плаща газету и направился на встречу с эрной Кэдвен, приободренный новостями. Теперь, от центральной площади, найти дорогу проще.

Высадка ролфийского экспедиционного корпуса лично для Удаза означала скорое и благоприятное изменение собственной участи, ибо жизненный опыт подсказывал – чем ближе высокое начальство, тем проще выслужиться. Истина прописная – карьеры делаются в столицах, вблизи тронов.

Когда за спиной Апэйна снова послышались быстрые шаги, то он не поленился вернуться и рассмотреть следы в грязи. Оказалось – звериные, точнее, собачьи. Но такое простое объяснение ничуть его не утешило отчего-то.

Вместо ролфийки Удаза поджидал мальчишка с запиской, но так вышло даже лучше – юный посыльный за пару лейдов сопроводил его к соратнице.

Контрабандисты, нанятые ролфийскими агентами, чтобы перевести Грэйн и Удаза через границу, оказались вовсе не загадочными персонажами из приключенческих романов для впечатлительных дам, а простоватыми дядьками. Они делали свою работу без азарта и восторга вот уже много лет. Таскать из Идбера скобяной товар, а обратно – зерна кадфы, табак и шерстяную пряжу или водить туда-сюда живых людей – поденщиков ли, проституток ли, шпионов или разорившихся на бирже игроков? Это для них не имело ровным счетом никакого значения.

Один – с пышными усами, другой – бородатый, а в остальном, словно вышедшие из одной материнской утробы – белобрысые, соломенноглазые, поджарые и молчаливые уроженцы здешних мест. Вид ролфийской офицерши контрабандистов тоже не смутил. Ну, баба и баба, лишь бы в дороге не скулила и не совала нос, куда не следует.

– Как вас называть, господа? – для порядка поинтересовался бывший тив.

– А никак, господин хороший, – ухмыльнулся усач. – Вам мое имя ничего не скажет.

– Тогда зовись Никаком.

– Без вопросов.

– Отзовусь на «Бороду», – процедил его напарник.

На том и порешили. Никак и Борода, Борода и Никак – запомнить не так уж и сложно. И если Грэйн в основном любовалась красотами весенних северных болот, а контрабандисты блюли сохранность товара, то Удаза тревожило чувство, какое, должно быть, испытывает олень, услышавший на рассвете звук охотничьего рога где-то вдалеке. Кто-то тихонько крался

следом, кто-то прерывисто и жадно дышал в спину, и стоило лишь резко обернуться... Но быстрые ловкие тени всегда успевали шмыгнуть в туман. А еще были звуки. Сводящие с ума пронзительные вздохи, болезненные поскуливания или влажное клцанье зубами, очень острых зубами.

«Два дня, – сказал себе бывший тив. – Всего два дня потерпеть».

– Что это такое? – спросил он у Бороды, когда над черной водой неожиданно раздался хриплый вопль.

– Болотница, – неуверенно буркнул тот. – Птица такая. Вроде речной вороны.

– Выпь, – поправил его пышноусый Никак.

– Не. Та быком ревет.

Мужики, конечно, заспорили, но так и не пришли к единому мнению – кто так жутко кричит на болотах. Одно Удаз знал точно – нет в природе никаких болотниц и речных ворон. Северные суеверия и легенды, в которых полно всяких вещей птиц, предрекающих героям беду. Места здесь очень располагающие к мрачным выдумкам.

– Ты еще скажи, что это вопит топлец, мертвяк неупокоенный, которого пожирает трупожор, – нервно хихикнул Борода.

«В таком тумане только всякие ужасы придумывать», – поежился бывший тив.

– Топлецов и трупожоров не бывает, – авторитетно заявила Грэйн, решив вмешаться в спор и развеять мистический ужас в глазах соратника. – Мне так шуриа сказали. Даже если это призраки, то они нас не тронут.

«Только призраков тут не хватало». Ролфи и диллайн не видят духов, но это не значит, будто они недостижимы для порождений тонкого мира. Не зря же болота считаются местом, где потустороннее встречается с обыденностью так же, как вода смешивается с землей, образуя непроходимую топь. Где же еще бродить неупокоенным душам, как не здесь? Поди догадайся, то выпь кричит или призрак зовет? Хотя, конечно, лучше пусть это будет обыкновенная птица из плоти и перьев.

– Ночевать будем здесь, – бородатый проводник махнул рукой куда-то вбок и хмуро добавил, не глядя на недоуменно озиравшихся подопечных: – Там сторожка на островке.

Грэйн подслеповато прищурилась, пытаясь разглядеть за плотной серой пеленой тумана хоть что-то, подходящее под описание. Но бурое впрозелень пространство приграничных болот оживляли только кусты высокой жесткой травы да чахлые скелетоподобные деревца.

– Туда смотри, – буркнул второй контрабандист и, бесцеремонно ухватив ее за рукав, развернул на полкорпуса влево. – Видишь?

Ролфийка отстранилась, поморщившись от фамильярности, и наконец-то разглядела обещанный островок и «сторожку» – темный силуэт приземистого строения с наклонной крышей.

– Самое время, – хмыкнула она, тяжело опершись на слегу. Выносливость выносливостью, но болото имеет неприятное свойство очень быстро выпивать человеческие силы, одним видом своим возбуждая уныние и безнадежность, а удушающие запахи и зловещие звуки эти ощущения только усиливают. Не то чтобы эрна Кэдвен так уж сильно поддавалась болотным чарам – ролфийская прямолинейность и «толстокожесть» оставляла очень мало шансов всяческой мистике, однако извилистые тайные пути через бескрайние трясины утомят кого угодно. Особенно если спутники особенной бодростью тоже не радуют. А они отнюдь не радовали, ни бодростью, ни прочими достоинствами. Касательно проводников, к примеру, Грэйн вообще пребывала в сомнениях. С одной стороны, ничего плохого ни ей, ни Удазу контрабандисты не сделали и угрожать ролфийским агентам ничем не могли, но с другой... Оставлять за спиной таких свидетелей вообще-то не слишком разумно. Сосредоточенно переставляя ноги след в след за бородачом и периодически кидая быстрые взгляды на замыкавшего группу усача, эрна Кэдвен прикидывала возможные последствия их вероятной болтливости и пока что не могла

решить окончательно, убрать ей проводников после пересечения границы или же позволить им уйти. Впрочем, одно ролфийка знала точно – ждать, пока на нее саму нападут, она не станет и при малейшем подозрении на предательство ударит первой.

И Апэйн. Бывший тив, а точнее, его поведение и состояние, беспокоили Грэйи все сильнее с каждым шагом, уводившим их в глубь приграничных «ничейных» трясин. Нет, Удаз оказался неожиданно вынослив, покорно шагал сразу за бородатым контрабандистом, не скулил и не спотыкался, но... Что-то с ним было не так. Словно постоянно прислушивался он к чему-то и, иногда резко оборачиваясь, сталкивался с Грэйи таким недоуменным взглядом, будто вовсе не ролфийку ожидал увидеть у себя за спиной, а кого-то совсем иного. Эрн Кэдвен, сама исчертившая соратника рунами, связавшими их наподобие то ли близнецов, то ли матери с младенцем, не могла не ощущать эту нервозность, для которой обычный страх перед болотами и неизвестностью был слишком простым объяснением.

Не будь рядом посторонних, она устроила бы Удазу настоящий допрос и наверняка выяснила, что же тревожит спутника настолько, что он готов шарахаться от собственной тени, но...

Тень!

Она и сама не поняла, каким чудом умудрилась уловить краем глаза мелькнувшее там, на островке, нечто неясное и быстрое... но оказалась быстрее, прыгнув мгновенно и не раздумывая, подминая под себя Удазу, вдавив его в топкую ледяную грязь и закрывая собой, словно щитом. И уж тем более не смогла бы ответить – а зачем? По большому-то счету, так ли уж ценна была для Грэйи эрн Кэдвен жизнь какого-то неудачника-смеска? Однако и прыгнула, и закрыла. Инстинкт, должно быть.

– Что?... – успел булькнуть бывший тив, но тотчас заткнулся, оглушенный неожиданно громким выстрелом.

Пуля свистнула поверх травы и кочек как раз там, где только что были их головы, и со смачным чавканьем вошла в ляжку Усача.

– Засада!!! – рявкнула Грэйи, еще сильнее вжимая голову Удазу в кочку. – Лежать!!!

Усатый выл от боли, бородатый с громкой руганью разрядил винтовку в сторону островка и теперь, укрывшись за чахлой сосенкой, лихорадочно орудовал шомполом, перезаряжая. Сторожка молчала. Дым от выстрелов сливался с туманом.

– Лежи тихо, – повторила ролфийка, откатываясь чуть в сторону и вытаскивая пистолет. – Надо понять, сколько их там... Десять, одиннадцать... – считала она вслух, навинчивая капсуль на трубку. – Двадцать...

Громыхнуло. Над островком снова взвился дымок. И тотчас Борода, выглянув из-за дерева, выпалил снова.

– Один, – выдохнула Грэйи. – Один мушкет... кремневый... Апэйн! Слышишь меня?

Удаз согласно замычал, не поднимая головы.

– На, держи! – ролфи подпихнула ему под руку пистолет и потрясла за плечо. – Прикрой меня!

– Ты что?! Здесь же трясина! Убьют!

– Ма-алчать! – беззлобно гавкнула она и весело подмигнула. – Знаю, что трясина. Но это, – ролфийка дернула головой на очередной выстрел, – может длиться до бесконечности. У меня нет желания вечно елозить тут брюхом по жиже... Отвлечешь того, кто там засел, когда я доберусь до этой халупы и махну тебе. Все! Пошла.

– Погоди! А эти?

– Потом, – отмахнулась Грэйи и вывернулась из лямок заплечного мешка. Скейн она зажала в зубах и быстро поползла вперед, таясь за кочками и радуясь, что перед самым островком безопасную тропу, по крайней мере, уже видно.

Усатый господин, обозванный Никаком, быстро истекал кровью, видимо, пуля попала в кровеносный сосуд. Его голос слабел с каждой минутой, а потом, когда стон затих окончательно, не было нужды проверять.

Довольно легкая смерть, почти милосердная. Бороде не так повезло: пуля разворотила ему живот. Контрабандист с воплем схватился за черную дырку в брюхе. Между сведенными судорогой пальцами лезло что-то черное и горячее. А кричал он страшно, на все бескрайнее болото, по-звериному не желая расставаться с жизнью. Но помочь ему ни Удаз, ни Грэйи не смогли, да и никто в целом свете, в том числе тив Херевард и Вилдайр Эмрис вместе взятые. Разве только богини...

Удаз сосредоточился, чтобы не пропустить знак от Грэйи. Пистолет в его руке не дрогнул.

Локка – беспощадная богиня и в битве нечасто дарует кому-то преимущество. Самое большее, на что можно уповать, воззвав к ней, – так это на то, что Огненная соизволит отчасти уравнивать шансы. К примеру, не позволит подстрелить свою посвященную, будто зайца, даст ей все-таки добраться до горла врага, а уж там...

Но, надеясь, что Локка подарит улыбку удачи воина, и самой зевать не следует. И если подставишь сдуру голову под выстрел, кого тут винить? Уж точно не богиню!

Вот Грэйи и не зевала. Островок был совсем рядом, близехонько. Десяток-другой эдмэ – рукой подать, а поди их еще проползи! Хоронясь за кочками, ролфи дожидалась выстрела, а затем пробегала несколько шагов, вслух считая мгновения, потребные для перезарядки, и вновь падала и ползла, извиваясь, будто в ней взялась откуда-то шурианская змеиная кровь. В искусстве подползти и ужалить детям Глэнны первенство принадлежит воистину справедливо, ролфийке никогда такому не научиться. Как Джэйфф Элир ни старался обучить... м-м... подругу?... премудростям «ползучей» войны, но все равно – Грэйи хитрая наука так просто не давалась. Наверное. Впрочем, с кем было сравнивать успехи? С самим бывшим рилиндаром – бессмысленно, а что до остальных...

Этому, который засел в сторожке и палил теперь по эрне Кэдвен... Локка, да когда ж у него пули-то кончатся?! И неплохо палит, к слову – три выстрела в минуту делает, не меньше! Так вот, этому неизвестному оказалось довольно и скромных ролфийских способностей, все-таки слегка улучшенных с помощью шурианского воителя. До островка Грэйи все-таки добралась.

Едва ощутив под собой относительно надежную твердь, ролфийка метнулась в сторону и ушла с линии огня. Прижавшись к дощатой стенке, она пару раз глубоко вздохнула и тихонько пробралась к двери. И махнула рукой затаившемуся в болоте Удазу: мол, давай! Не подведи!

И бывший тив не подвел.

А так иногда бывает – неисправимый мазила палит в белый свет, а попадает куда надо. Прячущийся стрелок заорал во все горло.

«Как резаный», – подумал Удаз и не ошибся. Ролфийка воплотила его мысли в жизнь своим страшным ножом. С раненым, истекающим кровью, она справилась быстро.

– Глянь-ка, кто у нас тут, – поманила напарника Грэйи.

Труп как труп. По тряпью если судить – тот самый беглый каторжник, которого безуспешно ловила вся полиция Свободной Республики Эббо, «смертовбивец» Луикс по прозвищу то ли Штык, то ли Нож.

– Нет, но каковы негодяи?! – возмутился Удаз, рассмотрев мертвеца получше. – Обыскивали каждую карету, документы проверяли раз пятнадцать. И зачем, спрашивается, если такую погань видно издалека без подозрной трубы? Уродец какой-то.

– Да уж... такого не спутаешь ни с кем...

Опасный преступник росточку оказался небольшого, плотненький такой, коренастый, как новенький грибок-подберезовик, что, собственно, не редкость среди синтафцев, если не

обращать внимания на общую волосатость тела. Бородку клинышком и усы щеточкой носят многие, но далеко не у всех руки, грудь и плечи покрыты густой порослью, но самое удивительное, при этом знаменитый убийца сверкал обширной лысиной на голове.

– Большой какой-то, – фыркнул Удаз. – Может, ожог?

Он предположил, что волосы не растут из-за рубца, но ролфийка не согласилась:

– Нет, не ожог. Тут другое.

– Что?

– Это северянин.

Бывший тив непроизвольно отшатнулся, будто от зачумленного. Слухи, потихоньку сочившиеся в уши синтафских обывателей, с каждым годом становились все страшнее – северянами уже пугали не только детей, но и многих взрослых.

– Вроде человек как человек, – прошептал Удаз и про себя добавил: «К тому же первый человек, которого я убил своей рукой. Почти...»

Странное чувство, ни на что не похожее, когда ты здесь нажимаешь на крючок, а там в человека попадает кусочек свинца, он кричит и падает замертво.

– Так только кажется, – угрюмо покачала головой ролфийка. – Посмотри на него внимательней. Разве это человек?

И, заметив упрямое недоверие Удаза, постаралась разъяснить подробнее:

– Мне рассказывали про таких. Говорят, они живут не более сотни лет, а потом портятся, стареют, словно животные, и оттого умирают. А еще рассказывали, что они настолько чужды нам, что даже и общих детей у нас с ними быть не может, – нахмурившись, она припомнила, кроме ночных рассказов в казармах форта Логан, и еще кое-что, не столь фантастичное, зато достоверное: – Но то слухи, а правда такова – когда они нападают на ролфийские корабли, то не оставляют никого живого, и сами в плен не сдаются. – Грэйн сплюнула и, прищурившись, задумчиво добавила: – Хотела бы я знать, откуда он тут взялся...

– Полицейский на заставе говорил что-то такое... – бывший тив попытался вспомнить, что там лопотал косноязычный паренек. – Вроде бы этот Луикс жил не тужил. Правда, без семьи, но ничем не выделялся. Но как стукнуло ему сорок пять, так с ума сошел и убил соседей по улице. А потом стал резать всех подряд... Безумный убийца. Говорят, они все сумасшедшие.

Он старался не смотреть на мертвеца.

– Вдруг этот северянин попал сюда ребенком? Случайно или сбежал... Хотя теперь мы точно никогда не узнаем, что же случилось на самом деле.

– Надо его осмотреть и записать все, что увидим, – тряхнув головой, бодро предложила ролфи. – Давай-ка, помоги мне. Возьми у меня в сумке записную книжку и карандаш, а я пока переверну его и раздену.

Удаз нервно сглотнул густую слюну. У этой женщины совсем нет нервов или она так умело прикидывается толстокожей и совершенно бесчувственной?

– Для доклада лорду Конри?

– Не только, не только... – мурлыкнула эрна Кэдвен и, достав скейн, принялась деловито срезать лохмотья с тела северянина. Добыча есть добыча, и, завалив, надобно ее освежевать, не так ли? – А тебе разве не интересно? Я еще ни разу сама таких не видела, верно, и ты тоже? Когда еще представится случай! Может, у него найдется какой-нибудь отличительный знак или... – тут она осеклась, на мгновение задумалась и закончила очень мрачно: – Или он вообще тут не один. Может, их уже полным-полно на континенте?

По-хорошему, конечно, следовало не только описать добычу, но и прихватить с собой хотя бы часть... Грэйн подосадовала про себя, что славный обычай предков – сохранять на долгую память скальп врага – здесь, к несчастью, неприменим. Хороши они будут с Удазом, если идберранский патруль найдет в багаже пары респектабельных путешественников кожу с лысого черепа северянина! Но, право же, жаль! Не то чтобы ролфийка так уж сильно стреми-

лась повесить скальп такой редкостной добычи на стеночке рядом с камином в своем кабинете в Кэдвене, но все же, все же...

Признаваться, что внутри все тряслось от отвращения, Удаз не решился даже самому себе. Примерно те же чувства он всегда испытывал в лавке чучельника при виде искусно сделанных голов оленей, кабанов и волков со стеклянными глазами. Вроде бы как живые, но вместе с тем абсолютно мертвые. Само воплощение смерти. Так и северянин – не человек, а чучело человека. Что может быть страшнее и отвратительнее?

– Жаль, что эсмонды не считали северян серьезной опасностью. Тив Херевард не упускал возможности съехидничать по этому поводу. А зря, очень зря.

Апэйн безучастно наблюдал за тем, как эрна ловко срезает лохмотья и осматривает труп. «Она – солдат. Она точно знает, чего хочет. А я? Я знаю? Я готов служить Вилдайру Эмрису каждый миг? А Локке?»

– Скоро совсем стемнеет, надо бы поторопиться.

– Эх, такой трофей пропадет зря! – вздохнула Грэйн, все еще сокрушаясь, и слегка пнула носком сапога голову трупа, отчего показалось, чтодохлый северянин согласно кивнул. – Мы бы могли его поделить, кстати, – она подмигнула Удазу и пояснила: – А что? Он, считай, наполовину – твоя добыча. Отменный выстрел, кстати говоря. Я удивлена, и удивлена приятно. Матереешь, Удазик! Ух, знаю я кое-кого, кто обзавидовался бы нам! – и весело сморщила нос, позволив себе на миг помечтать о том, как славно было бы похвастаться Джэйффу Элиру этой охотой. Вот уж кто оценил бы и наверняка позавидовал – ведь бывшему рилиндару, при всем разнообразии его боевого опыта, северян резать еще не доводилось. – Но правда твоя, темнеет. Надо еще обыскать наших неудачливых приятелей. Может, у них завалялась карта?

На самом деле, на такую удачу Грэйн, конечно же, не рассчитывала. Но вдруг действительно повезет? Без хотя бы приблизительного наброска дальнейшего пути выбираться из трясин придется на свой страх и риск, вслепую. Ориентироваться по сторонам света ролфийка умела, да и вполне представляла себе, где именно они сейчас находятся, но поиски безопасной тропки могут занять не то что дни – недели. Недаром ни Эббо, ни Идбер так и не сумели договориться, кому же владеть этими роскошными топями. Если обычно государства грызлись за обладание каждым эдмэ территории, то здесь имел место быть случай уникальный – обе Свободные Республики прилагали все усилия, чтобы от трясин избавиться. В итоге болото стало такой «ничейной» территорией, заниматься которой никто не хотел.

Ролфийка вздохнула снова и задумчиво потыкала в бок северянина подобранной тут же длинной щепкой:

– Видишь? Все тело покрыто шерстью, а голова, наоборот, почти лысая. Нет, это не может быть человеком. Давай, возьми его за ноги, оттащим падаль в болото.

Глаза у эрны Кэдвен светились в подступающих сумерках призрачной зеленью, как у волчицы. Вроде тех, что пели, наверное, сейчас далеко-далеко в синтафских лесах. Здесь, в конфедератских республиках, давно уже повывели серых охотников, но в Локэрни и даже в Янамари до сих пор можно услышать их песню.

Зеленые холмы Янамари, тихие воды рек и вековечный покой плодородных долин, похоже, остались только в памяти бывшего тива. Сын леди Джойаны встал на сторону мятежного Эска. Ничего, к слову, удивительного. Эскизарец с его мамашей всегда заодно был...

Грэйн сноровисто обыскала мертвецов и ничего толкового, кроме котомки с едой, не нашла. А с другой стороны, зачем местным уроженцам, для которых это болото – почти что дом родной, карта или компас?

И пока сталкивали в трясины трупы контрабандистов, Удаз старался думать о чем-то другом. Ну, хотя бы и о политике, о переменах, случившихся в Синтафе.

– А что случилось с леди Янамари? – спросил он.

– На Шанте живет, – после некоторого раздумья ответила Грэйн. – Среди сородичей.

И лицо у нее при упоминании шурианского острова стало... грустное-прегрустное. Редкое для ее строгого образа, нетипичное.

– Говорят, красивое место...

– Очень, – отрезала ролфийка таким тоном, чтоб сразу отбить желание продолжать разговор.

Идти в ночь никто не собирался. Туман постепенно сгустился, солнце, и без того бледное за пеленой облаков, закатилось, и наступила темнота. Хорошо еще, что покойные контрабандисты оказались людьми, по-крестьянски обстоятельными и неленивыми. Навес, где приходилось коротать ночи, сделали на совесть – ни тебе сквозняка по спине, ни ледяных капель за шиворот. А еще – костровище, обложенное камнями, лежанка, запас дров, воды и кое-какая полезная мелочь вроде запасного кресала. Хочешь – от дождя прячься, хочешь – у костра грейся, а хочешь – спи без всякой опаски, тем паче посторожить сон есть кому. Хорошо быть контрабандистом, право слово. Гораздо лучше, чем беглым полукровкой с нездоровыми наклонностями, который, вместо того чтобы наслаждаться отдыхом, горячим ужином и относительной безопасностью, только и делает, что прислушивается к далекому зловещему вою. Где-то там за туманом, в ночном безвременье...

Хорошо также быть ролфи. Сидеть себе и набивать трубку табачком, бросая как бы между прочим:

– Надо же, какая-то тварь как надрывается! Можно подумать, что Маар-Кейл на охоту вышли.

Не находивший себе места, весь издерганный, Удаз Апэйн так и не смог заставить себя промолчать и солидно, как пристало серьезному мужчине, хмыкнуть что-то неопределенное. Вой приближался и ввинчивался в уши.

– А кто такие эти Маар-Кейл? – чтобы как-то отвлечься, спросил бывший тив.

Грэйн же словно ожидала именно этого вопроса. Попыхивая трубочкой, пребывая в отличном настроении и чувствуя себя настоящей сказительницей, она нараспев молвила:

– О, это очень древняя ролфийская легенда! Знай же, что Отцу Дружин Оддэйну служат не только белые волки из его Стаи, но и псы Маар-Кейл. Безжалостные и неотвратимые, они встают на след неприкаянной души, недостойной вступить в Чертог Оддэйна, и гонят ее по бескрайним ледяным равнинам Межмирья, пока не настигнут. Рассказывают, что иногда Маар-Кейл приходят и за живыми, но это уж точно сказки. Ни одному посвященному ролфи Маар-Кейл не страшны. А вообще-то, – эрна угрюмо глянула на Удаза, – если б ты меня тогда все-таки удачно повесил, гоняли бы сейчас Маар-Кейл мою одинокую душу по черным пустошам...

Прозвучало эпично, омерзительно эпично. Особенно когда в качестве наглядной иллюстрации эпичному сказанию из сине-лилового, густого, клубящегося туманом сумрака явились те, кто шел по следу Удаза Апэйна от самой Ибэоры.

– Это такие здоровенные черные псы с красными ушами и красными глазами? – уточнил мужчина ледяным шепотом, ритмично вздрагивая и звонко постукивая зубами.

– А откуда ты узнал? – удивилась девушка.

Но Удаз безмолвно таращился в темноту, а челюсти его отбивали замысловатую дрингу.

– Эй! Ты что, кого-то... увидел?

И голос у посвященной Кэдвен был очень нехороший, ничего доброго никому не суливший.

– Они тут... это они... вот там, – и указал зажатой в сведенных судорогой пальцах палкой в непроглядную ночь. – И там! И вот там. Целая стая!

Душераздирающий... в буквальном смысле вой Маар-Кейл несли над болотами и рвал в клочья перепонки в ушах бывшего тива. Красноухие клыкастые твари кружили совсем рядом, и их следы светились холодным призрачным светом, а глубокие ямки от когтей мгновенно

наполнялись то ли водой, то ли кровью. Но за нарисованный Грэйн защитный круг ни одно из чудовищ ступить не посмело. Бессильно щелкали Маар-Кейл клыками, роняя серебристую пену, но в круг не рисковали сунуться даже кончиком хвоста.

А тут еще жестокая эрна сурово и как-то даже торжественно сообщила:

– Маар-Кейл может видеть только тот, за кем они пришли. Мне они не страшны, я – посвященная Локки... Ты их видишь, значит, они пришли именно за тобой. Псы не переступят рунный круг, но и ты не можешь выйти за его пределы. А значит, и я не смогу.

– Что? Что же теперь делать? А?! За мной пришли? И зачем? Грэйн, что мне делать? – едва удерживаясь на грани немужественной истерики, простонал Удаз.

Вопрос риторический. Что смертный может противопоставить божественным тварям, у которых совсем не призрачные зубы и когти? Смешно даже думать о сопротивлении.

Полукровка скорчился, согнулся в три погибели, пряча от Охотников лицо и глаза. Чудилось – встретишься взглядом с алыми зеницами чудищ, и душа сама покинет тело, чтобы стать добычей Оддэйновых Псов.

Грэйн оскалилась, одновременно горестно и злобно:

– А вот мы сейчас и спросим, что нам делать! У той, кто их натравил! Ну и стер-рва же ты, Огненная! – Ролфийка вскочила на ноги и, по-волчьи сморщив нос, зарычала прямо в невидимое за пеленой тумана ночное небо, разбрызгивая клочья пены с перекошенных гримасой губ: – Хор-рошие же у тебя способы вербовать сторонников! «Или ты со мной, или тебя сожрут». Так?!

«Именно так, моя Грэйн! – насмешливый клекот Локки ударил в уши. – Догадалась? Да ты становишься умницей, Верная! О чем еще ты догадаешься, если немного подумаешь?»

– Отзови псов, – холодно сказала ролфи, будто очнувшись и разом успокоившись: – Он был тебе нужен, и ты звала его, верно? Ну так бери же, разве не видишь, что он уже твой? Зачем ты натравила на нас Маар-Кейл?

Мужчин учат с раннего детства: «Стыдно бояться. Стыдно выказывать свой страх. Стыдно признаваться самому себе в своем страхе». Правила эти въедаются глубоко в плоть, в костный мозг, и не вытравить их ничем. Но сейчас, оказавшись нос к носу с Маар-Кейл, Удаз утратил даже стыд. Позор стёк с бывшего тива, как пот по спине в жаркий день. Маар-Кейл на то и существуют, чтобы их бояться и не стыдиться страха.

«На вас? Тебе они не страшны, моя дочь. У меня нет власти над Псами Оддэйна, ролфи. Они пришли за ним, потому что он – ничей. Тот, кому он служил, выбросил его, а мне этот полукровка еще не сын».

– Разве? Ты заметила его еще там, в подвале Синхелма. Или еще недостаточно ты его испытала?

Огненное тавро Синхелма! И хохочущая женщина, только что сама вырвавшаяся из петли. Обыгравшая Смерть в карты. Тот огонь поджег не только крыши домов, он опалил веру в Предвечного.

«Не достаточно, – Огненная Луна сложила крылья и сияющим сполохом разорвала туман, пронзила темноту – и встала перед ролфийкой стеной золотого пламени. – Для смеси, отравленного кровью предателей, – не достаточно! Порченная кровь должна выгореть, отравленный дух – очиститься! Он должен выбрать, Грэйн. Он должен шагнуть в мой костер. Иначе – его возьмут Маар-Кейл».

– Он под моей защитой, Локка. Я не отдам его Псам, пока жива.

Перед глазами Удаза плыло и плясало золотое пламя.

«Молчи, эрна, молчи! Однажды я приказал тебя повесить. А теперь ты спасаешь меня? Покровительствуешь? Безжалостная эрна, ты хочешь, чтобы я сгорел все-таки от стыда!» – взмолился Апэйн.

«Разве он – не твой враг, Грэйн? Разве ты не клялась вырвать ему горло?»

– Неважно. Он – под моей защитой.

«Зачем ты делаешь это, Грэйн Кэдвен? – вопрошал Удаз. – Или только так и становятся ролфи? Споря с богиней, бросая ей вызов?»

«Тогда Маар-Кейл подождут, пока твои силы иссякнут. Они могут позволить себе ожидание».

– А ведь ты, похоже, поймала меня, Беспощадная, – коротко рассмеялась Грэйн. – Да, я становлюсь умницей. Я догадалась. Как отобрать у Предвечного его пищу? И как заставить меня в этом участвовать?

«Ты пришла ко мне сама, Грэйн. У тебя был выбор. Стать моей посвященной, моей Верной – или сдохнуть дочерью предателя. Шагнуть в мой огонь – или отступить. Ты не очень-то правильная ролфи, Верная. Ты возжелала еще и свободы. А за это придется заплатить. Я жестока, да, но я ищу пути для моих детей. И один из этих путей откроет он. Если ты ему поможешь».

– И что же я должна сделать? – Ролфийка злобно усмехнулась. – Откроешь ли – или мне самой догадаться? Самой произнести это вслух?

«Для него нужен мой костер, Грэйн. Огня посвящения мало, чтоб выжечь из него заразу. Только я сама могу это сделать, только в моих объятиях он очистится».

– Вот как, – Грэйн продолжала улыбаться. Присутствие Локки стало таким отчетливым, что волосы ролфийки скручивались и потрескивали от жара. – Ведь это я должна стать костром, да? Впустить тебя, дать тебе мое тело, чтобы ты воплотилась? Отказаться от себя, утратить самое право зваться человеком – добровольно... И ты ждешь, что я предложу сама, потому что никто не вправе требовать такого, ни смертный, ни божество. А если я... не предложу?

От эрны исходил жар, настоящий, как от хорошо растопленного камина. Она уже полыхала и плавилась. Или это застило жгучими слезами выедаемые огнем глаза бывшего служителя Предвечного?

«Ведь это твой выбор, Верная, – в треске пламени проступила... пожалуй, грусть. – Маар-Кейл нужна добыча. Жизнь за жизнь, Грэйн, мужчина за мужчину. Ты мне кое-что должна, помнишь ли?»

– Ах, ты... – эрна Кэдвен задохнулась, захлебываясь рычанием. – Ты!!!

«Ты тоже выбрала себя мужчину, Грэйн, и ты выбрала сама. Нарушила все правила, захотела невозможного, сказала «Мое!» – и попросила. Ты задолжала мне, ролфи. Я зорко стерегла твоего проклятого змея, волчица, но если я однажды отвернусь? Кто знает, увидит ли он этот рассвет? Или ролфийское Проклятие унесет в когтях его жизнь? Маар-Кейл – лишь одно из обличий тех, кто приходит за детьми Лун. Я действительно не вправе просить тебя о такой жертве, Верная, но ты можешь назвать свою цену».

– Вот так вы нас и ловите, боги, – горько вздохнула ролфийка. – Все правильно, Беспощадная. Жизнь за жизнь. Мужчину за мужчину! Ты возьмешь своего, но сохранишь жизнь моему. Избавишь его от нашего Проклятия, от вечного ожидания «змеиного часа», от этого незнания – проснется ли поутру? И я впущу тебя, отдам тебе мой облик, не требуя ничего больше. Но даже если я не смогу вернуться потом, ты сохранишь и убережешь его. Так? Твое слово, Огненная!

«Мое слово, ролфи».

– Тогда я – твоя, теперь и впредь, если тебе так угодно, Мать Битвы и Пламени. Я – чаша для твоего огня, Беспощадная. И я зову тебя – войди!

Черты Грэйн эрны Кэдвен медленно потекли, как это бывает, если плеснуть водой на свежий акварельный рисунок. Мгновение – и ничего не осталось от облика дочери капитана Сэйварда. Волосы, как перья золотые, глаза нездешнего разреза, влажная тяжесть век и ресниц,

а зрачок – жерло вулкана... Смотрит и видит насквозь, воспламеняя кровь. Женщина, чья кожа пахнет нагретой на солнце земляникой, чье сердце – из кипящей лавы.

Богиня протянула руку... нет, не руку, а язык пламени. Как равному протянула, не принуждая и не приказывая, давая право сделать выбор самостоятельно.

Мужчина становится воином не тогда, когда берет в руки меч или мушкет. И даже не в миг, когда убивает своего первого врага. Но давая клятву и оставаясь ей верен, закрывая собой беззащитного и сражаясь до конца, он превращается в Воина. Так говорили в старину. Ролфи же становятся не тогда, когда выходят из чрева женщины народа Морайг, а когда боги говорят с тобой, как с равным. Потому что знают лучше смертных, что без верных, без верящих они, боги, так и останутся пустыми идолами.

Он пришел к своей богине долгой дорогой через унижение, позор и грязь. Марионетка в руках эсмондов, беглец, кутила, извращенец, должник, шпион... Всеми презираемый, ненавидимый, никчемный, «пустое место» – вот кто такой Удаз Апэйн. Справедливо и поделом ему! Но только Локка любила и только она ждала его все это время. А потому полукровка шагнул к ней, не колеблясь, как без всяких сомнений мужчина заключает в объятия любимую женщину. Без сожалений даже в миг, когда любовь богини сожгла его дотла, превратив сначала в пылающий факел, а потом в пригоршню пепла.

И когда душа по воле Локки заново облеклась плотью, ничего не напоминало о ритуале, кроме нескольких ожогов и отвратительного запаха сгоревших перьев.

Но всего этого эрна Кэдвен видеть, конечно, не могла. Ибо Локка, взяв тело ролфийки, отпустила дух ее на волю. Переступила Грэйн крупными сильными лапами по неверной, зыбкой болотной жиже, вдруг обернувшейся твердью, чуть склонила набок лобастую голову, прянула острыми ушами, и влажный черный нос ее дрогнул, ловя тысячи оттенков запахов, недоступных двуногим. Волчица отвернулась от золотого огня, в котором расплавилось человеческое тело, более ей не принадлежавшее, и заинтересованно взмахнула хвостом, встречаясь зеленым светящимся взглядом с алыми углями глаз Маар-Кейл.

Они застыли напротив, невозмутимые, неподвижные – бессмертные черные псы, будто оценивали, безмолвно вопрошали: кто ты есть, Серая? А потом, повинувшись едва заметному знаку вожака, строй их раздвинулся, давая ей место. Предводитель Маар-Кейл закинул свирепую морду к черному небу и запел, а остальные подхватили, и Грэйн, взъерошив загривок, припала на передние лапы, слушая – и понимая, о чем они поют.

«Только ночь, только бег, только вперед! Наперегонки с временем, хватая ветер за хвост и звонко клацая зубами на неуловимые звезды, звенящие там, вверху! Пой с нами, Серая! Будь с нами этой ночью! Ночь свободной охоты, ночь бесконечного бега, ночь бешеного гона понад болотами! Пусть небо расколется и рухнет от нашей песни – пой с нами! Пой, Серая! Это ночь свободы! И это – навсегда! Ночь не кончится, бег наш не кончится, пока не настигнем дичь, пока не затравим, пока не вонзим клыки в мягкое горло! А чье горло – нам все равно! Мы – вольны, нас не натравишь, нас не отзовешь, от нас не спрячешься. Пой вместе с нами! Будь с нами, Серая, будь одной из нас! Сегодня! Сейчас! Ты можешь, ты – наша! Готово место для тебя, место почета, место славы – здесь, рядом с вожаком. Подхвати нашу песню, наш зов, наш вызов! До утра! До рассвета! Ты – наша, пока того желаешь...»

Грэйн нерешительно вильнула хвостом – и вдруг прыгнула, оттолкнувшись всеми четырьмя лапами, прыгнула вперед и вверх, и ветер упруго поддержал ее, и звезды оказались совсем близко, холодные и вкусно хрустящие, будто сахарные косточки. Черные бока Маар-Кейл замелькали вокруг нее, ликующий вой разорвал ночь, и волчица поняла, что тоже поет – поет вместе с ними, вплетая голос дочери Морайг в свирепый хор Ночных Псов. Так дико. Так сладко. Так хорошо!

Нет преграды для Маар-Кейл, и нет от них ни защиты, ни спасения. Неотвратимая, безумная, неслась над миром призрачная Охота, и, словно вспугнутые птицы, с заполошным криком разлетались прочь заплутавшие неприкаянные души. Кого настигнут Ночные Псы сегодня, чей сон разорвется в клочья под их клыками, чей дух оцепенеет под алым безжалостным взглядом?

И ведает ли кто-нибудь из смертных, как вольно, как невообразимо прекрасно – лететь, бежать, стремиться вместе со стаей – вперед, вперед!.. Сердце, пока оно все еще есть, сжимается от сладкого ужаса и бешено трепещет, заячьими лапками колотит изнутри в широкую звериную грудь, нездешний ветер ерошит серую шкуру и уносит вольную песню бешеного ликования туда, к Вратам Чертогов, туда, к богам... Мы – Маар-Кейл, Безумная Охота! Бойтесь нас, люди! Отойдите прочь, боги! Не смейте вставать на нашем пути. Мы – Маар-Кейл. Будь с нами, Серая. Пой с нами до утра...

Она не проснулась – *вернулась* в свое тело перед самым рассветом. Мгновение-другое недоуменно шурила серо-зеленые – человеческие! – глаза, встряхивала тяжелой головой, вспоминая... Было ли? Или привиделось – бег по-над топями, неукротимый и грозный вой Маар-Кейл, верная тропа через болота, которую указал ей вожак Охоты? Или не было?

Грэйн хмыкнула, ощупала свое тело, снова двуногое, снова *свое*, и, не найдя причин для беспокойства, пожала плечами. На Локку ролфийка не сердилась. Богиня была честна, и теперь они в расчете. И тот, кому эрна Кэдвен когда-то сама, без понуканий и принуждения, заплела косы, жив и под защитой Огненной Луны, и она сбережет его, укроет тенью крыльев своих от ночи, избавит от этого проклятого Порога, как обещала. Все честно. А большего эрне Кэдвен и не надо от Госпожи Пламени и Битв. Но был еще и подарок, настоящий, без подвоха, подарок – ночная охота вместе с Черными Псами. Есть ли хоть один ролфи, кому выпадало такое?

А тело – что тело? Цело оно. Божественное воплощение не оставило после себя никаких следов – даже рубашка не опалилась, волосы пахнут дымом, и только.

Интересно, а как чувствует себя... хм... товарищ?

Ролфийка поднялась, потянулась, отряхнулась и с интересом посмотрела на бывшего Удаза. Потому как именовать его подобным образом и дальше будет совсем неправильно. Посмотрела и присвистнула бесшумно.

«Надо было предупредить, – немного виновато подумала она. – Может, хоть раздеться успел бы. Вот же гадство какое – а ну как не найду я ему запасных штанов?»

И полезла в свой мешок, сокрушенно качая головой – искать спутнику сменную одежду, ибо если не найдется, то ходить свежеспеченному ролфи и посвященному Локки с голым задом. Его одежда сгорела в огненных объятиях богини, да и он сам тоже сгорел, а когда воскрес, выйдя по воле ее из священного пламени, то стал... другим.

Не только волосы побелели, скулы стали резче и отчетливей, и вообще в чертах его не стало больше свойственной полукровкам... двусмысленности, одна лишь ролфийская прямолинейность. Но и когда откроет Локкин избранник глаза, наверняка они окажутся зелеными, волчьими. Какие и подобают настоящему ролфи.

Удовлетворенно хмыкнув, Грэйн взмахнула найденными штанами и ловко натянула их на соратника. Опыт по раздеванию, одеванию и обихаживанию беспомощных и бесчувственных у нее был немалый. А потом, смочив холодной водой тряпицу, сделала то, что должна была как свидетель посвящения, – приложила к Локкиному знаку на груди Апэйна. И сочувственно поморщилась. Болеть будет просто зверски!

На груди, с левой стороны, наливалось жгучей болью клеймо Локки – волчья голова в огненном круге. Кожа вспухла, но рана не гноилась. Все-таки божественная метка как-никак. Впрочем, и не оставь богиня знак благоволения на теле бывшего тива, Удазу все равно не при-

шлось бы больше сомневаться в своем новом предназначении. Он изменился, он стал посвященным Локки – воином-ролфи. Она говорила с ним, сожгла и воскресила и отныне пребывала рядом. Непривычное чувство, но придающее осмысленность каждому вздоху.

Грэйн заботливо приложила к обожженной груди соратника мокрую тряпку и лукаво подмигнула:

– Ну что, брат-волк, как ощущения?

– Больно, – честно признался Удаз.

– А ты думал! Рождаться вообще больно и страшно, а рождаться в огне – и подавно. Тебе нужно новое имя, новорожденный. Хорошее ролфийское имя. Ты ведь теперь ролфи. У тебя, кстати, глаза позеленели.

Удаз осторожно ощупал собственное лицо. Не иначе, как на предмет волчьих челюстей и шерсти. Но вроде бы – нет, обошлось.

– А хвост у меня не вырос? – мрачно спросил «новорожденный»

Эрна аж хрюкнула от смеха:

– Иди к ближайшей луже, повернись задом и проверь. И вообще, свое недовольство надо было высказывать Локке, пока возможность была, а не мне. Не вздумай задира́ть свой неотросший хвост и особенно не раздувайся от гордости. – Посвященная весело скалила белые зубы. – По правде говоря, тебе грешно жаловаться. И уж точно не на что обижаться.

Вот чего не было, так это обиды. За что? За доверие? За избавление от страшной участи, уготованной Предвечным для полукровок? Нет уж! Никаких обид.

– Я и не жалею. Так что там с именем? Еще одна традиция?

– А ты считаешь, что ролфийский воин и посвященный Локки может носить диллайнское имя? – серьезно спросила Грэйн.

Удаз деловито хмыкнул:

– Не думаю, что это будет уместно. Итак, как же ты наречешь меня, сестра-волчица?

– Удэйн. Хорошее ролфийское имя.

«Вот это номер!» – изумлению Апэйна не сыскалось предела.

– Э-э-э-э... считаешь, это будет уместно?

– А почему нет? Одно время чуть ли не каждого третьего мальчика на Ролэнси называли Удэйном. Так что не бери в голову. А если сомневаешься, – сестра по посвящению хитро подмигнула, – спроси у богини!

А Локка... Он по-волчьи прислушался, даже ухом непроизвольно шевельнул. О да! Богиня была упоительно близко, Удаз чуял ее запах и тепло дыхания на своей щеке, нежное такое, ласковое и... одобрительное.

– Локка не против, и я согласен.

– Ну вот и славно. Давай, оживай и поднимайся. Надо умыться, поесть и двигаться дальше. Я, кстати, разузнала дорогу... хм... ночью. У вас с Локкой были свои дела, а у меня – свои. – Ролфийка мечтательно и дико прижмурилась. – Ух, вот это был гон! Это был бег! Они... я и представить себе не могла, что они – такие! Ух!

Удаз... Нет! Удэйн завистливо вздохнул. Впрочем, ему теперь тоже было чем гордиться:

– А мне снилось, что я волк.

Лежать в высоких травах, чутко дремать и плыть в безбрежном океане запахов, каждый из которых неповторим, как любой миг жизни, – великое звериное счастье, понятное только детям Морайг. Щедрая богиня подарила своим любимцам это чудо – призрачную волчью ипостась в царстве снов. Спасибо ей за это!

– Это всем ролфи снится. Ну? Ты кадфу пить будешь или нет? Если будешь, то начинай варить, а я пока сооружу какую-нибудь кашу, что ли... Нам с тобой еще целый день шлепать по болотам, прежде чем выйдем к границе.

Несмотря на боль от клейма, Удэйн легко поднялся на ноги, отряхнулся и вдруг понял, что нет в нем больше омерзительной одержимости, а похоть не мутит разум. Сгорело все в очистительном пламени Локки, сгнуло, осыпалось пеплом. Рядом не возжеленная самка, а сестра по Посвящению.

Человек нашел свою дорогу, волк обрел стаю. Так и должно быть.

Джэйфф Элир

Узнав о происшествии с Джоной, эрн Тэлдрин сказал: «Хватит!» Крепко ругнулся, а потом добавил сгоряча: «Смерти вы моей хотите, не иначе». И чтобы всем стало стыдно, демонстративно приложил руку к сердцу. Мол, вот помру, и на тризне будете терзаться муками совести. Кто спорит, еще как терзались бы!

– Ты себе представить не можешь, Элир, как мне хотелось бы собрать всех шуриа в одном месте...

– За заборчиком, с охраной и трехразовой кормежкой, – хихикнул бывший рилиндар.

– Тебе смешно, а с меня Вилдайр Эмрис голову снимет. Сказано же «Возлюбить шуриа!», вот мы и любим. И пытаемся защищать, а вы, ползучие... кузены, расплзаетесь кто куда.

Смех смехом, а Шанта менялась не по дням, а по часам. Официально приняв под руку свою полудикий остров, Священный Князь не собирался оставлять его обитателей на произвол судьбы. Ролфийские кордоны и заставы появлялись как грибы после дождя, дороги патрулировались военными, регулярно проводились облавы на мародеров и разбойников-чори, а следовательно, жизнь на Шанте становилась безопаснее. И сытнее. Диллайнский и ролфийский князья сделали все, чтобы шуриа не мерли хотя бы от голода.

– А вот будешь теперь приглядывать за нашей заставой возле Лирнии, – отрезал эрн Тэлдрин.

– Да как ты смеешь приказывать бывшему владыке Шанты? – хохотнул Джэйфф.

Его самого смущали новые порядки, этот стремительно меняющийся мир, где ролфи защищают шуриа с оружием в руках и пуще глаза берегут. Мир определенно сошел с ума. И неведомо, к добру это или к худу, если ролфийского лейтенанта ничуть не смущает присутствие в его отряде рилиндара, а его подчиненным легендарный Джэйфф Элир скорее в диковинку, чем в устрашение.

С другой стороны, для этих светлоглазых бойких парней кровавые «подвиги» Рилинды что-то вроде старой сказки из тех, которые начинаются словами: «Давным-давно, в незапамятные времена, еще когда прапрадед мой младенцем в колыбельке лежал, случилось это...» Ну, подумаешь, туземный следопыт, какая-то местная знаменитость? Мало ли чем он там прославился? Может, самую большую репу вырастил на своем огороде когда-то. А так на вид мужик как мужик, с косами, балагур и отменный стрелок. Разве что не курит и под утро спит непробудным сном.

Чему же тут удивляться-то? Сколько рассказней было про «проклятых Третьих», а на поверку вышло – обыкновенные они люди, бестолковые только немного и недисциплинированные. А что совсем приятно – бабы у них добрые и ласковые.

Сложно рилиндару привыкнуть, что мимо твоего окна ролфи строем ходят, но можно. Тяжело отказаться от старых, въевшихся в костный мозг привычек бывшему рилиндару.

Но после того, как сержант ир-Лэйдир назвал его «нашим полковым шаманом», Джэйфф окончательно смирился. Шаман так шаман, ну и пусть. Тем паче он и в самом деле шаман. Осталось только приучить себя бесстрастно взирать на косы и «хвосты» ролфийских уставных причесок, не примериваясь даже мысленно к скальпам... м-м-м... соратников...

– И верни синтафского пацана, ради Локкиных когтей, владыка Шанты.

– Да хоть сейчас!

Взятый в заложники сын рыбака неожиданно проникся местной экзотикой, привязался к шурианскому стрелку и теперь не хотел возвращаться.

– Не хочу! Не хочу рыбу ловить, не хочу целый век на этой вонючей посудине провести!

Томившийся под дверью генерал-губернатора юноша осмелился вмешаться в разговор, решающий его судьбу.

– Не хочу!

– Рик, не дури! Как миленький к папаше своему вернешься! – рявкнул Джэйфф.

– Никогда! Сбегу!

Парень зло стукнул кулачищем по дверному косяку, скривился от боли, но злость оказалась сильнее.

– Ах ты, засранец малолетний! Ты же меня выставишь злодеем и обманщиком. Решит твой папаша, что я тебя взаправду в кита превратил...

– А потом вернется домой и нажалуется синтафскому риву, – грозно прорычал эрн Тэлдрин. – Дескать, злые ролфийские захватчики сгубили дитяtko, такие-сякие. И получится, – высокое начальство со значением указало перстом на трещину в потолке, – международный пре-це-дент!

– Ну и пусть! Лучше китом, чем грязным рыбаком.

И тут Джэйффа осенило, как одновременно избежать столь нежелательного для генерал-губернатора Шанты-Тэлэйт *прецедента* и избавиться от настырного синтафского юнца.

– А давай-ка ты завербуешься к ролфям в армию вольнонаемным? – вкрадчиво мурлыкнул рилиндар. – Эрн Тэлдрин тебе форму выдаст. Красивую. И мушкет. Настоящий.

Расчет оказался верным. Еще не родился тот мальчишка, который устоит перед таким искушением. Вот и Рик не удержался от соблазна. И еще до полудня на Шанте стало одним солдатом больше, а у Джэйффа Элира на одну беду меньше.

«А что вы хотите? Это же Шанта! Остров, где случаются самые невероятные вещи. Например, бывшие рилиндары-головорезы превращаются...»

А вот в кого они превращаются, шуриа еще не понял до конца. Да, он изменился, он стал другим...

Пуля свистнула прямо возле уха. Джэйфф тут же рыбкой нырнул в траву, и, как назло, его задело вскользь в последний момент. А может быть, стрелок предвидел маневр, и единственное что – слегка промахнулся. Пуля, пропахавшая неглубокую, но болезненную и кровоточащую рану-траншею в Джейффовом бедре, предназначалась вообще-то для рилиндарова брюха.

– Эй! Ты, часом, адреском не ошибся, браток?! – громко спросил Элир шевелящиеся кусты. – А ну как я встану?

– Тебе бы полежать сейчас, предатель, – прошипели в ответ.

– Это я-то предатель?

– Ты, конечно. Переметнулся к хёлаэнаям, служишь им, как сторожевой пес.

– Если вдаваться в сравнения, то тогда уж «как ищейка». Это все-таки лучше, чем быть наемной шавкой Тиглата. Который сам живет на конфедератские подачки.

Вести политические разговоры, истекая при этом кровью, не очень-то весело. Хорошо хоть шейного платка хватило, чтобы перевязать себя.

– Мы сами по себе! – дерзко заявили из кустов.

– Бреши кому-нибудь другому, мне – не надо.

Собственно, беседу Джэйфф вел с единственной целью – отвлечь врага и успеть зарядить ружье.

– Главарь твой небось не рассказывает, как с ним Тиглатов эмиссар делится коммиссионными? А ты спроси на досуге. Авось расскажет, где прикопал горшочек с серебряными имперскими «совами».

– А ты, стало быть, за идею на Тэлдрину трудишься? – обиделся за вожака таинственный недоброжелатель.

– А у меня, знаешь ли, привычка такая, – хмыкнул бывший рилиндар, прицеливаясь. – За идею оно почетнее, и детишкам потом будет чем гордиться.

– Держи карман шире, Элир. Так тебе ролфийская сука и нарожает щенят...

Грохнувший выстрел оборвал рассуждения и жизнь притаившегося врага.

– Не твое дело, паскуда, – буркнул Джэйфф. – Будет всякая падаля про мою личную жизнь рассуждать.

Он заново перебинтовал рану на ноге, твердо решив во что бы то ни стало доковылять до ближайшей ролфийской заставы. Но так и не дошел. Сморило на полдороге. Видимо, много крови потерял.

Устроился Джэйфф Элир, точно бродяга, в ямке под кустом волчьей ягоды, собираясь спрятаться во сне от боли и усталости. Наедине с собой незачем прикидываться стальным и бесчувственным, а потому несгибаемый рилиндар вдоволь поскулил и даже пожалился луне Шиларджи. Мол, Сизая Мать наша, что ж ты не уберегла сына своего? Но небесная Мать всех шуриа только надула толстую щеку, идя на убыль, да в отместку за беспокойство наслала на Элира бессонницу. И так, и эдак вертелся, но как ни ляжешь – нога болит пуще прежнего. Оставалось лишь надеяться, что после Порога Джэйфф сумеет выспаться.

Но настал миг, когда гаснут, точно надежда шуриа, ночные созвездия, истаивая в серосиреновом предрассветном сумраке. Самое время прилечь, прижаться щекой к земле, смежить воспаленные веки и слушать, слушать, слушать, о чем шепчут травы, корни сосен и древние камни... Нас осталось так мало, тех, кто и слышит, и видит. И несколько часов назад стало меньше еще на одного. Когда шуриа убивает другого шуриа – это плохо, это противоестественно. Ведь каждая жизнь должна быть прожита. Верно, Мать Шиларджи? Для того ты и создала нас. Чтобы жить, славить Жизнь, любить ее трепетно и нежно во всех проявлениях, создавать ее, поить своим духом и преданностью.

Вот беда, словно песка насыпали под ресницы. Не спалось Джэйффу Элиру и не дремалось, суля пренеприятнейший миг впадения в небытие.

Бывший рилиндар надумал подкинуть еще пару веток в костер, протянул руку, повернулся...

Сидела она вполоборота, склонив голову к плечу. И Джэйфф чуть было не крикнул: «Грэйн!» Но чужая русая толстая коса лежит на плече, и рубашка простая, не офицерская, обтянула грудь, и не в бриджах, а в домотканой юбке она. Та, другая женщина, другая хёла-энайя, которую убил много-много лет назад. Сжег в собственном доме вместе с дитем малолетним. Защищала своего маленького полукровка до последнего, рычала и отстреливалась, положив парней из его отряда больше, чем сделал бы это целый ролфийский взвод. А когда догорела хата, то под обломками нашли ее детеныша – черноволосого, смуглого и синеглазого. Задохнулся, стало быть, в дыму много раньше, чем погибла его бешеная мать.

Только эта, подсевшая к догорающему предрассветному костру, была златоглазая. И крылатая. В иной, божественной ипостаси, какой она является приемным и родным детям и никогда не предстает перед шуриа.

– Удивлен? – она протянула руку к умирающему огню, даря ему силы плеснуть золотом в темноту. – Ты ведь отправил ко мне так много моих приемных детей, да и родных тоже, что сам стал мне почти родным, – улыбнулась богиня. – А с некоторых пор я еще и сторожу тебя, будто сука цепная. Ты же знал? Конечно, знал. Или догадывался. Поговори со мной, Джэйфф Элир. У нас теперь есть на это время. Не жди, Порога для тебя не будет. Ты отныне свободен от Проклятия Сигрейн. Тебя выкупили.

Выкупили... купили... свободен... Тяжелые слова-камни, под которыми можно спрятаться от обжигающего холода ночи. А выкуп дают за того, кто захвачен в плен, кто связан по рукам и ногам веревками или проклятьем.

– Кто? – шепло прошептал Элир.

– Разве ты не знаешь?

Богиня посмотрела неподвижным взглядом, пришитыми к кукольной личине медными пуговицами, а не глазами. И вообще лицо воплощенной Локки оставалось безжизненным, словно она не знала, как правильно пользоваться человеческими мускулами.

У Джэйффа и у самого тело вразнос пошло. За несколько мгновений он до крови искусал губы, стараясь удержаться то ли от безумной усмешки, то ли от рыданий. Выкуплен... куплен... свободен...

– Кажется, знаю... И какова же цена?

Похоже, Локка впервые узрела такую неведомую зверюшку, как бывший рилиндар. Поптичьи дернула головой, сморгнула от неожиданности.

– А ты интересный, – отметила богиня. – Надо было присмотреться к тебе раньше.

Элир содрогнулся от такого обещания. Внимание богов чревато для смертного. Лучше пусть глядят куда-нибудь мимо. Правда-правда.

– Какой ты меня видишь? Я ведь не выбирала такой облик, это ты мне его дал. Скажи, кто я сейчас? – продолжала допытываться любопытная Локка.

– Ты – женщина-ролфи, которую я убил давным-давно, – было ответом.

Запомнилась она накрепко, выжжена осталась в памяти на веки вечные, точно тавро на шкуре быка, безымянная, всеми забытая, кроме последнего бойца Рилинды, который нет-нет да и зажжет по ней огонь в дни темной Локки.

– А! И как Сестра только управляется с вами? – воплощенная богиня склонила голову набок. – Хочешь, чтоб я стала другой?

– Нет! Оставайся. Я столько лет сожалел, что нам тогда так и не довелось поговорить. Говори со мной, Локка.

Хотел бы назвать – Дилах, но эта, сидящая напротив у лесного костра, была Локкой. Жестокой и беспощадной, а не освещающей и согревающей.

– Вам было не о чем говорить, Джэйфф Элир. Тогда время для разговоров еще не пришло. Если тебе интересно, это был не ее ребенок, кстати. Шурианский, приемыш. Тебе это важно?

– Нет, Локка, уже неважно. Я давно отучился разделять детей на своих и чужих. Она отдала за него жизнь, значит, считала своим.

Наверное, именно в тот день Джэйфф Элир понял, что больше никогда не станет отцом. Не имеет права потому что. Вот так!

Меж тем у Локки по-прежнему было о чем поговорить с шуриа.

– Ты спросил о цене. Но тебя не должно это волновать. Это – между мной и моей Верной, и кто ты есть, неважно для нашей с ней сделки. Но цена была высока. Самая высокая из тех, что смертный может дать таким, как я. Такая, какую ни одно божество... или дух, если угодно! – не вправе даже просить у смертного.

Элир резко вскинулся:

– Она жива? Она здорова?

– Нет, я говорила не про Смерть. Смерть – это слишком дешево за такого, как ты. Я не скажу тебе, где она и что с ней. Моя Верная нужна мне живой. Я и близко не подпущу ее теперь ни к этому острову, ни к тебе... да она и сама не подойдет. Как только сможет снова думать. Она ведь ролфи и поступает как ролфи: сперва делай, потом думай. Но до рассвета осталось совсем немного, а ты так и не спросил о самом главном, Джэйфф Элир. О том, что тебя действительно тревожит.

«Ах, ты ж! Богиня, с...совиная мать! Ты так участлива, что рука сама тянется к рукояти ихинцы. Что тревожит меня, понимаешь ли...»

– Меня тревожит... тревожит... – прошипел рилиндар. – А что ж-ж-же остальные ш-ш-шуриа? Я спасен, а остальные прокляты?

Локка ожидаемо разозлилась:

– Ты прожил больше, чем любой другой из детей моей Сестры, и все равно не научился задавать правильные вопросы, Джэйфф Элир! Ты не спасен, ты просто избавлен от Проклятия Сигрейн. Твое собственное проклятие никуда не делось. У тебя была возможность задать тот

самый, главный вопрос, а ты вместо этого лепечешь что-то о себе! Для остальных есть другая дорога – вот и все, что я тебе скажу. Обернись в сторону восхода и встречай солнце. И выбирай сам, сколько рассветов ты еще увидишь! Прощай. Как бы там ни было, но мое слово было сказано, и мне все равно придется приглядывать за тобой.

– Прощай! – крикнул он, а хотел-то «Убирайся!».

И отвернулся. Чтобы увидеть впервые за многие сотни лет, как небо на востоке стремительно светлеет, как наливается нежнейшим заревом жемчужно-серый горизонт и как через горькое мгновение первый луч решительно взрезает истончившуюся до мерцающей вуали ткань ночи. И вот он – самый край светила, огненный, алый, раскаленный, означающий для каждого шуриа этого мира – новый день будет! Еще один день!

– Грэйн! Грэйн Кэдвен! – кричал Джейфф Элир, скалясь на солнечный диск, вонзая пальцы в землю, словно пытаясь удержаться за нее, как за последнюю опору любого шуриа. – Что ты наделала? Как ты могла, глупая волчица?

Его – мужчину и воина – выкупила у богов женщина чужого племени, племени проклявших. Не дала отбить, отвоевать это святое право – быть свободным, сразиться за свою волю или погибнуть с честью. Купила! Она его купила... Выкупила... Безмозглая волчатина!!! Откупила у смерти неведомой ценой. Ролфи! Только ролфи могут так поступить. Сначала сделать, потом думать. Как? Как она себе представляет его жизнь теперь?

Прав оказался в конечном итоге вчерашний убитый стрелок. Он, Джейфф Элир, таки стал предателем. Переметнулся на сторону вековечного врага!

Повезло, ох и повезло парням с лирнийской заставы, что не дошел, что заночевал в лесу, иначе ни одного не пощадил бы. Всех! Всех! Всех!

Грэйн эрна Кэдвен, что же ты наделала!

Три дня и три ночи провел Джейфф Элир в лесу, прячась от людей, точно раненый зверь. Выкупила его эрна Кэдвен, освободила, можно сказать, только вот, как всякий вольноотпущенник, бывший рилиндар не знал, что делать с этой свободой. Вот она, свобода давать клятвы не на один день, замахиваться на дела отдаленного будущего – бери и греби ее лопатой, черпай полными горстями. Ан нет! Ненавистное Проклятье Сигрейн не только лишь отнимало надежду, оно давало ощущение неуязвимости. Чем можно пригрозить человеку, который не проснется поутру? Как его можно наказать еще сильнее? И такой человек может позволить себе почти все. Свобода быть кем угодно, данная на один день, – все равно свобода.

Когда-то Джейфф Элир выбрал Жизнь, по доброй воле дезертировав из стана Смерти. Теперь Жизнь выбрала его самого, и этот выбор не оказался так уж приятен.

– А ты как думал, идиот? – спрашивал себя Джейфф. – Ты что же, думал, Жизни понравится такой приспешник, как ты – головорез-убийца?

Он разговаривал сам с собой, точно безумец, он спорил с Локкой-Дилах, он пытался объяснить с Грэйн. Диалог с ролфийкой, к слову, вышел самым простым. По здравому размышлению, когда схлынул девятый вал гнева, Джейфф понял, что ни в чем Грэйн пред ним не виновна и будь он на ее месте, сделал бы для возлюбленной то же самое. А вот он профукал единственный в своем роде шанс спросить у Локки про Самое Важное – спросить: «Зачем прокляты шуриа?» И та ответила бы. Если смертный задает *правильный* вопрос, то божество или дух обязаны ответить. Но такое случается очень редко.

– Вот скажи мне, Локка... Ты ведь Локкой ко мне пришла, а не Дилах. Скажи мне, почему же ты не приняла истинный облик, почему взяла его у меня взаймы? Почему я видел тебя не Огненной Совой, а давно уже мертвой женщиной? Мне не под силу понять твой Лик или тебе нужна моя память, чтобы воплотиться? Ответь мне, Мать Первых!

Но богиня зловредно молчала, сколько ни вглядывался Джейфф Элир в ее пламенные очи посреди походного костра. Молчала и шурилась хитрой кошкой.

– Ответь, Локка, как мне теперь жить? Молчишь? У, стерва! Не зря тебя честила моя Грэйн злым словом!

Он и в самом деле не представлял, как это – планировать на месяц вперед или даже на целый год. Умел когда-то, да разучился совершенно.

Не заслуженные ничем подарки радуют только совсем несмышленных детишек. Чуть повзроеешь, так сразу озаботишься встречным вопросом: «А за что?» Но, прожив огромную, по любым меркам, жизнь, научишься подозрительно относиться к призам, доставшимся без борьбы. Ибо сказано древними мудрецами – на дне ловчей ямы лежит самый вкусный кусок мяса.

И неотрывно глядя на свой третий за последнюю тысячу лет рассвет, Джэйфф подумал о том, что его освобождение от Проклятья – это никакой не выкуп и не дар, а новая работа, новое задание, полученное от Главнокомандующего, от Жизни.

Посему, долгобавившись первыми минутами наступающего дня, он наскоро перевязал подживающую рану, собрался и отправился к «своим ролфи» на лирнийскую заставу.

Уже, поди, забеспокоились и гадают, куда подевался их «полковой шаман».

Безлюдная Лирния тихонечко догорала, но сержант ир-Лэйдир и пятеро его подчиненных были хоть и ранены, но живы. Остальные солдаты лежали рядком, дожидаясь своей очереди на погребальный костер.

– Где все? – спросил Джэйфф, оценив масштаб бедствия: от домов только печные трубы остались, огороды начисто перетоптаны, живность перебита.

– В горы убежали, – махнул рукой ир-Лэйдир. – Кажись, все спаслись. А домишки заново отстроить можно. Целое лето впереди.

Впереди и вправду было целое лето и множество дней и ночей, чтобы отлавливать бандитов, разоривших многострадальный поселок.

– А мы все-таки отбились, – похвастался рядовой Лоннан.

– Я вижу, – прищурился рилиндар.

Джэйфф Элир все видел – и ролфийских парней, отважно сражавшихся и погибших за шурианских баб с детишками, за убогое горское селение и десяток злобных коз, и чумазого, как трубочист, сержанта ир-Лэйдира, деловито чистящего свой мушкет, и мальчишку Мирьяна, плакавшего над своим мертвым другом-ролфи. Он все-все видел.

Значит, Жизнь не только призвала его под свои знамена, но и официально зачислила на штатную должность.

– Ты чего делаешь, Элир? – испуганно спросил Лоннан, завороченно глядя, как шуриа деловито расплетает косу.

– Как это – чего? Шаманю, конечно. Я – полковой шаман или так... погулять вышел?

Джона и Эгнайр

Города, выросшие вокруг университетов, похожи один на другой, как горошины в стручке. Ровненькие газоны, ухоженные клумбы, памятники великим людям на каждом углу, беседки и скамейки – на первый взгляд, просто отдохновение души, особенно после унылых провинциальных городишек и беспокойных развращенных столиц. Чинно прохаживаются ученые преподаватели, на них с уважением взирают умненькие студиясы, и лишь шуршание книжных страниц да утробное воркование голубей нарушает благоговейную тишь, сопровождающую учебный процесс. Храм науки, обитель знаний, царство логики и разума?

Как бы не так! Обманчиво первое впечатление непосвященного, ибо вся эта благодать – не что иное, как одна сплошная иллюзия. Не в каждом театре за кулисами плетутся такие интриги, как в здешних уютных кабинетах. И толстые кожаные переплеты пунцуют от словес, которыми солидные ученые мужи кроют друг дружку заочно и прямо в глаза, а у чучел дыбом встают перья и шерсть от подлости и коварства иных деканов. Украсть чужое открытие – дело чести, присвоить славу – предел мечтаний, а принизить успех коллеги – доблесть. Даже маститые не смеют расслабиться ни на мгновение, бдительно высматривая потенциального конкурента с целью превентивного изничтожения на корню. Воистину, змеи и скорпионы добрее друг к другу.

Студенты тоже недалеко ушли от грозных своих учителей – пьют в три горла, бунят, пакостят, ну и блудят в три... словом, блудят денно и ночью. Когда только учатся, непонятно, и главное – чему?

Если судить по очаровательнейшему Эгнайру Акэлиа, то учили в Ициарском университете исключительно ереси и нигилизму. Его, богослова и будущего тива, учили отбывать свой номер в храме, не верить не только в Предвечного, но и вообще ни во что, обычных людей считать наивными простачками, а себя – центром мироздания.

И зря, совершенно зря Джона ломала себе голову, как продлить знакомство с Вилдайровым потомком. Эгнайр вовсе не собирался исчезать из поля зрения шуриа. Юноша лично «сосватал» новой знакомице премиленскую комнатку в пансионе, причем за весьма скромные для Ициара деньги. Карамельно-мармеладный домик прятался в зарослях жасмина, под каждым окошком в ящиках буйно цвели бархатцы, и казалось, что каждая черепичина, которой была покрыта крыша, вымыта хозяйкой с мылом. Кого угодно обманула бы эта идиллия, но только не шуриа. Согласно последней конфедератской моде все детали интерьера были замаскированы таким образом, чтобы невозможно было сразу догадаться, что из чего сделано. Лепнину красили под дерево, дерево – под камень, камень – под штукатурку, а штукатурку – под обои. Чистенький, аккуратненький домик полнился духами и призраками и в тонком мире ничем не отличался от древнего склепа, доверху наполненного иссохшими мертвецами. За хрустящими от крахмала занавесочками разве только людоедством не занимались. Словом, едва ступив под крышу «приличного» пансиона, Джона окончательно осознала, почему Ициар ей не понравился с первого взгляда. Котел с бурлящим ядовитым варевом – вот что это за город, и каждый дом в нем словно булькающая реторта, а каждый обитатель – пилюля с мышьяком в сахарной пудре.

Впервые в жизни Джойана Алэя Янамари выгнала из своей комнаты всех призраков. Спасибо Джэйффу Элиру, подучившему неумеху-сородичку шаманским штучкам вроде того, как выбрать, с кем из духов мирно соседствовать, а от кого избавляться, как от клопов. Наука далась Джоне с величайшим трудом, но она очень пригодилась в Ициаре. Ужасный город, просто ужасный, насквозь фальшивый, город с двойным дном и потайным отравленным лезвием.

Конечно же, Эгнайр устроил для подружки Джойн полноценную экскурсию: показал все учебные корпуса, цитадель ректората, которая оказалась самым настоящим, еще ролфийским,

замком, десяток романтичных мостиков, статуи всех знаменитых философов, оранжереи и прочие красоты, коих в Ициаре имелось превеликое множество.

– А это что такое? – любопытствовала шуриа, разглядывая увитую плющом каменную кладку, возносившуюся на добрых три человеческих роста, когда они забрели в дальний конец университетского парка. Из-за стены виднелся купол и шпиль каких-то причудливых строений, тоже весьма заинтересовавших Джону.

– Здание архива, где я имею честь работать в свободное от учебы время. Шпиль, между прочим, настоящее произведение инженерного искусства, к тому же используется для изучения атмосферного электричества, то бишь молниевых разрядов.

– О! Я бы очень хотела посмотреть на «живую» молнию. Можно попасть за эту... э... крепостную стену?

– У каждого государства есть свои научные секреты, – глубокомысленно заявил юноша. – Наш Идбер славен в области разработок новейшего оружия. Видели бы вы, как тщательно охраняются лаборатории Эска, не стали бы удивляться.

Джона лишь сдержанно улыбнулась в ответ и притворно вздохнула:

– Значит, внутрь нас не пустят. Жаль. А мне так хотелось бы взглянуть, как делаются научные открытия. Я тут недавно была на представлении электрических опытов...

Молодой человек исполнился презрения к бродячим шарлатанам, которые занимаются профанацией науки, превращая ее в потеху для толпы.

– Но как же тогда люди узнают о новшествах? Как поймут, что знания и просвещение – благо? Как избудут мракобесие?

– Другим способом, более достойным и цивилизованным, – отрезал Эгнайр с абсолютно Вилдайровыми интонациями в голосе. Поразительно, как порой сильна кровь – сильнее воспитания и привычек.

– Это каким же? – не унималась шуриа.

Очень уж ей хотелось дознаться про умозаключения будущего тива. Надо же с чего-то начинать изучение своей неожиданной находки, прежде чем предпринимать какие-то шаги. Ведь, как ни крути, а Джоне не под силу взвалить молодого мужчину на плечо и утащить из Ициара насильно. Значит, требуется найти подход.

Разумеется, о своем приезде и необходимости собрания Эгнайр известил соратников тотчас же, едва переступил порог уютного, а главное – уединенного домика на окраине Ициара. Помимо отсутствия соседей, у жилища господина Акэлиа имелось еще целых два преимущества, бесценных для заговорщиков и членов тайных обществ: запущенный одичавший сад с высоким забором вокруг дома и обширный чистый и сухой подвал – идеальное место для собраний и хранения печатного станка и еще некоторых любопытных вещей. Так что собирались члены кружка обычно у Эгнайра, причем брат Казначей, ведавший финансами общества, ежемесячно отсчитывал юноше сумму, составлявшую примерно половину арендной платы за жилье. Таков был вклад Искателей в общее дело. В одиночку при ициарских ценах Эгнайру такие апартаменты было бы не потянуть.

За время отсутствия брата Книжника (именно таков был псевдоним Эгнайра в кружке) в подвале у него безвылазно сидел брат Химик, совершенно не показываясь ни на улицах, ни на лекциях. И немедля поделился со вновь прибывшим своими успехами – горячей смесью, коя, будучи аккуратно разлита по бутылкам из-под знаменитого идберранского темного пива, дразнила буйное воображение заговорщиков невероятными перспективами. Встряхивая немытыми патлами и поблескивая красными, словно у кролика, глазами из-за треснувших очков, брат Химик захлеб рассказывал о еще более удивительных вещах. Дайте срок, вот добудет брат Механик все необходимое для настоящей лаборатории, и уж тогда!.. Врагов будущего прекрасного и нового мира можно и должно не только жечь и взрывать, но и травить! Как крыс!

Эгнайр уважительно, но с некоторой долей безгливости похлопал соратника по костлявому плечу, сбегал в лавку за едой и пивом, оттащил провизию в подвал и проследил, чтоб брат Химик как следует поел. А потом засел сочинять записку брату Мастеру.

В обществе Искателей строго-настрого запрещалось пытаться узнать настоящие имена товарищей по борьбе. И в общем-то этому мудрому правилу юноши следовали неукоснительно, тем более что за неповиновение уставу кружка полагалось вполне определенное наказание. Будущих революционеров уже накрепко повязала кровь их бывшего брата Философа. Тот оказался звеном слабым и ненадежным, много спорил, а потом и вовсе решил выйти из кружка. Приговор вынесли здесь же, в подвале Эгнайра, и на месте привели в исполнение. При всем хладнокровии и непримиримой уверенности в своей правоте юный Книжник до сих пор иногда вздрагивал, вспоминая, насколько... неаккуратно все получилось. И отмывать стены, опять же, пришлось ему, и именно в его саду, под кустом роскошной ициарской сирени, покоятся теперь останки малодушного предателя. С другой стороны, какой еще судьбы может заслуживать этот подлый пес? Брат Мастер так и сказал: «Революция не бывает бескровной, друзья. Собаке – собачья смерть!»

А сирень в тот год покрылась гроздьями цветов пышности неимоверной, а уж пахла так, что все окрестные девицы поневоле держали носы по ветру...

Так что из всех своих соратников Эгнайр знал только настоящее имя брата Мастера, и то лишь потому, что был знаком с руководителем общества еще до вступления своего в кружок. Кроме того, господин профессор Ардан Лау частенько посиживал в техническом отделе университетской библиотеки, где они, собственно, когда-то и познакомились. Профессор Лау был в ученой среде человеком влиятельным и уважаемым, занимался сверхсекретными разработками в закрытой лаборатории и водил дружбу с такими людьми, чьи имена полагается произносить только при закрытых дверях, шепотом и с оглядкой через плечо. Именно он порекомендовал юного и старательного студента Акэлиа кое-кому из иерархов местного Эсмонд-Круга (как бы не Самому!), отчего юноша получил хорошо оплачиваемую и почетную работу в секретных фондах библиотеки и доступ к таким вещам, что... Нет, вот об этом уже нельзя упоминать не только шепотом, но даже и в мыслях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.